

UNICUM

ДИНАСТИЯ
УНИКАЛЬНЫХ
УБИЙЦ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ВОКАЛИСТКА

НА ОСНОВЕ СЕКРЕТНЫХ АРХИВОВ

Сергей Павлович Бакшеев
Вокалистка
Серия «UNICUM», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50923446

Аннотация

У Саны идеальный слух и голос. Свои способности она унаследовала от отца, легендарного Композитора. Близкий друг использует ее дар для мошенничества, концертный администратор заставляет участвовать в левых концертах, пока на девушку не обращает внимание спецслужба. Теперь она – агент «Вокалистка», опасное оружие, которое может выйти из-под контроля...

Содержание

Пролог	4
1	6
2	19
3	29
4	36
5	41
6	47
7	53
8	63
9	68
10	76
11	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Павлович Бакшеев

Вокалистка

Глаза и голос, это слишком много сразу.

Поэтому, когда слышу голос, опускаю глаза.

Марина Цветаева

Пролог

Удивительную историю уникальной девушки, как и предыдущую про Композитора, я рассказываю со слов полковника КГБ в отставке Сергея Васильевича Трифонова. Он разрешил их публиковать лишь после его ухода из жизни.

– Я долго корил себя за то, что не смог спасти Композитора, – признался Трифонов, поведав о жуткой судьбе человека с убийственным, в прямом смысле этого слова, голосом.

– Композитор – чудовище! – возразил я.

– Прежде всего он гений с уникальными возможностями, которые мы использовали во благо страны. После его смерти в Конторе был создан отдел по изучению паранормальных явлений. Возглавить его доверили мне.

– Был ли кто-то еще со схожими способностями? – заинтересовался я.

– Я надеялся, что своеобразный талант Композитора, хотя бы частично, унаследуют его дети. Вопрос был в том, оста-

лись ли после него дети?

Я подался вперед, затаив дыхание. И Трифонов меня не разочаровал.

– Композитор исчез из поля зрения Конторы на долгих пять лет. Где-то жил, что-то делал. Где и что? Во время следствия он не ответил на эти вопросы, но проговорился, что жил с женщиной и морщился при упоминании младенцев. Психологи подтвердили, что такая реакция характерна для отца, которому неприятны собственные дети. Это вселило надежду, необычные способности обязательно проявятся. И первой, кого мы нашли, была невероятная Вокалистка.

1

Вот и закончился ее выпускной вечер в алтайской сельской школе. Завершилась официальная часть с вручением аттестатов, напутственными словами директора, невнятной благодарностью учеников и танцами в спортзале под приглядом надоевших училок. Ее, конечно, никто не пригласил на танец и даже на прогулку до рассвета ни в одну компанию не позвали. Кому нужна уродина со шрамом на лице?

Сана Шаманова брела домой одна.

Ночью лучше, чем днем – меньше звуков. Ночь, как прозрачное озеро с отдельными всплесками, ласкающими слух, а день – это мутный бурлящий поток, от которого хочется закрыть уши. Люди не замечают многообразия звуков, для них звуковые волны сливаются в общий шумовой фон, а Сана слышит по отдельности все, что происходит в селе – такой уж у нее слух.

В кустах за школой трое парней из ее класса распилили портвейн и отбросили бутылку. Их болтовня для нее не тайна, она знает, кто сколько глотков выпил и как твердо теперь стоит на ногах. А у реки в высокой траве целуется влюбленная парочка, она словно видит их. Вот рука парня лезет под оборку выпускного платья. Неужели девчонка позволит? Шлепок по ладони – и правильно, нечего руки распускать! Но поцелуи продолжаются, парень тискает грудь девушки, шепчет о

вечной любви, насаждает, валит в траву...

На фиг! Она не хочет слышать, что будет дальше. Она с детства знает все и про всех в селе, но эти знания только вредят ей в жизни.

Своей прямоотой Сана отвадила от себя всех подружек. Девчонки любят привирать, скрытничать, хвастаться, а она возьми да и ляпни, что все не так, те злятся и обзывают ее лгуньей. Чем яростней нахрап, тем больше им верят. И никому невдомек, что она слышит их тайны с другого конца села через любую стену. С парнями и того хуже, подростки вечно врут про свои подвиги, а неудачи скрывают. Выстраивают вокруг себя выдуманный мир, где они герои, а любой намек на серенькую правду воспринимают в штыки. Что тут скажешь? Придурки!

Сзади послышались торопливые шаги. Сане не нужно оборачиваться – это Акай и Коля спешат за ней. Неужели они решились?

Накануне она подслушала, как трое парней из ее класса договорились напоить и изнасиловать ее. Мол, кому еще нужна такая уродина, а они ее осчастливят. Трое – это Тимур и его команда, точнее, банда. Двое из них уже рядом, но без Тимура они не решатся, он за главного.

Прошлой осенью, в 1973, когда власть в братской стране Чили захватил злой Пиночет и военная хунта, в их школе, как и по всей стране, прошел митинг солидарности с борющимся народом, и школьники собирали деньги на помощь

чилийским детям. Приносили, кто сколько мог, от чистого сердца. А потом случилось мерзкое – кто-то украл пожертвования из учительской. Потрясенный директор вызвал милицию из района.

Сана не только отлично слышала, но и запоминала окружающие звуки на уровне подсознания, даже помимо своей воли. Она закрыла глаза во время урока, погрузилась в звуковые воспоминания, отмела лишнее и услышала, кто именно пробрался в учительскую: для ее слуха шаги так же индивидуальны, как отпечатки пальцев для криминалистов. Ее распахнувшиеся глаза буравили спину одноклассника – не может быть! Тот заерзал, тронул портфель, и шуршание рублей и трешек, спрятанных в школьном портфеле, рассеяли ее сомнения.

На перемене она подошла к самоуверенному и наглому Тимуру. Шепнула ему тихо, так, чтобы не слышали остальные:

– Ты сам вернешь деньги или мне рассказать, что у тебя в портфеле?

Вспышка злости трансформировалась в красные пятна на лице Тимура, желваки играли на его скулах, а в глазах пылала ярость.

– Даю тебе пять минут, – процедила Сана и отошла.

Украденные деньги обнаружались на подоконнике в коридоре, школа замяла скандал. Однако несколько купюр Тимур утаил, на них он и купил выпивку в тот роковой вечер.

А вот и Тимур, легок на помине. Затаился впереди за деревом, не двигается, уверен, что в темноте девчонка его не разглядит. Это так, глаза не надежны, но у нее особые уши. Он дышит, у него бьется сердце – этого ей достаточно.

Из-за подлого Тимура Сана и стала уродиной.

В тот вечер после кражи Тимур заискивал перед ней, организовал компанию у костра, принес портвейн и подсел рядом. Она – худая, высокая, нескладная девчонка, которую за глаза называли жердью – но она-то слышала! – впервые почувствовала на себе мужское внимание. Рядом сидели другие девочки: статные, с оформившейся грудью, смешливые.

Чтобы выделиться среди сверстниц, Сана спародировала артистов из «Кабачка 13 стульев». Тогда она впервые открыто продемонстрировала свои способности, ведь помимо всепроникающего слуха она могла имитировать любой голос: детский, мужской, старческий. Да что там голос, она могла повторить любой треск, писк, шелест или скрежет.

Все смеялись, хвалили ее, а Тимур подливал портвейн в ее стакан. Выпила Сана впервые, ее голос стал невнятным, девушку разморило, и она задремала на его плече. Пламя погасло, компания разошлась, но в костре еще мерцали пышущие жаром головешки. Тогда Тимур и толкнул ее в спину – резко, целенаправленно. Она упала лицом на тлеющее полено, а когда вскочила от жуткой боли, на лице пузырился страшный вертикальный ожог.

Две недели страданий в районной больнице – и Сана вер-

нулась в школу с жутким шрамом на правой половине лица, тянущимся ото лба до губы. Говорят, что шрамы украшают мужчин – весьма спорное утверждение, но то, что они уродуют женщин – бесспорно.

Никто не поверил школьнице, что ее толкнули в костер, ведь дуреха была пьяна, значит, сама виновата. Припомнить убедительные звуки и внятно возразить Сана не сумела, она убедилась, что в пьяном виде утрачивает свои уникальные способности. Тимур лишь ухмылялся при встрече с ней и цедил сквозь зубы: жердь жженая.

Сейчас он выскочил из-за дерева наперерез Сане, двое его дружков замкнули окружение. На их лицах блуждали пьяные ухмылки, а в глазах туманилась похоть. Сана испугалась. Парни явно без тормозов и действительно хотят осуществить задуманное. А как же иначе, школа в прошлом, они теперь взрослые мужики и горят желанием утвердиться в новом качестве.

– Выпей с нами, – развязно предложил Тимур. – У нас местечко подготовлено. И подстилка имеется, чтобы муравьи в трусы не лезли.

Его подхалимы одобрительно заржали.

– Муравьи ночью спят, да и вам пора, – возразила Сана.

– Там и поспать можно.

– Переспать! – заржал Акай и схватил Сану за левую руку. – Пошли по-хорошему, будет что вспомнить, дуреха.

– Отстань! – Сана попыталась вырваться, но Акай вцепил-

ся крепко.

– Хорош ломаться, недотрога. Ты себя в зеркало видела? – усмехнулся Тимур. – Радоваться должна, что такие парни как мы любовь предлагают.

За ее правое предплечье ухватился Коля, пока не твердо, его пальцы соскользнули и вцепились в укороченный рукав выпускного платья.

– Опустит!

Сана дернула плечом, тонкая ткань треснула, и оторванный рукав повис тряпкой в кулаке Коли. Ребята перемигнулись и теснее обступили девушку, порванное платье их раздражило. Сана поняла, еще мгновение – и она окажется во власти пьяных парней, желающих покуражиться.

Надо что-то делать!

В отчаянии она ударила Акая ногой под коленку. Тот скорчился от боли и отпустил ее. Теперь бежать, но куда? Дорогу к дому перегораживает высокий Тимур – этого не собьешь. Направо к реке бежать бесполезно, там глухомань – парни догонят и завалят ее. Слева школа, там еще могут быть взрослые – они образумят хулиганов.

Девочка рванула к школе и бежала так, как не удавалось даже при сдаче норм ГТО. За ней по команде Тимура устремились три пары мужских ног.

Сана достигла школы первой, дернула главную дверь – заперто! И в окнах нет света, все ушли, а преследователи сейчас выскочат из-за угла. Сана устремилась бегом вокруг зда-

ния. Вот вход в спортзал, дверь тоже заперта, но она слышала, где физрук прячет запасной ключ. Отогнула жестяной подоконник, нащупала ключ, выдернула, вставила в замок. Давай же, открывайся! Скрипучий поворот и – слава добрым духам! Она успела проникнуть внутрь и запереть дверь перед носом пьяных подонков.

Ух, можно отдышаться.

Сана включила свет и увидела пианино. Инструмент принесли в спортзал для выпускного вечера. Первой мыслью было отбросить лакированную крышку, ударить по клавишам и заиграть что-то громкое, чтобы в селе услышали. Она никогда не училась музыке, но на слух могла воспроизвести любую мелодию, например, что-нибудь яростное. «Вставай страна огромная» полностью отвечало ее настроению.

В детстве Сана думала, что унаследовала способности от деда – признанного алтайского шамана. Но однажды мама призналась, что Сана и ее брат-двойняшка Санат – копии отца. Их отец ушел из села, когда они были маленькими, и не вернулся. Его имя Марк, но мама называла его Композитором. Он мог голосом повторить любую мелодию или изобразить музыкальный инструмент. Да что там мелодию, ему были подвластны любые шумы, стоны, вопли, пiski, скрежет, крики животных, а слышал он на километры вокруг. Возможности Саны не столь безграничны, однако папин дар во многом передался и ей.

Она села за пианино и обрушила пальцы на клавиши. За

миг до того, как войлочные молоточки в лакированном корпусе ударили по натянутым струнам, ее слух уловил характерный скрип. Сознание сразу нарисовало картину – в мужском туалете первого этажа открылось окно, двое парней перелезли через подоконник.

Боже, ее насильники продолжают охоту за ней, они уже рядом! Теперь понятно, почему они не стали долбиться в запертую дверь. Перед выпускным вечером одноклассники сломали шпингалеты на рамах в туалете, чтобы протаскивать в школу бутылки.

Руки Саны опустились, она вдруг осознала тщетность своего плана. В эту ночь никто не обратит внимания на громкую музыку, все знают, что в школе выпускной, ребята веселятся и будут шуметь до утра.

Надо бежать! Но путь обратно отрезан, в окно пролезли Акай и Коля, а хитрый Тимур караулит ее за дверью, она слышит его сопение.

Сана поспешила хоть куда-нибудь спрятаться, сунулась в подсобку со спортивным инвентарем и убедилась, что попала в ловушку. Комната без окон, ее крик никто не услышит, на полу свалены спортивные маты – лучшего места для насильников не придумать.

Шаги приближались. Акай и Коля ступали тихо по их понятиям, но в сердце Саны их топот отдавался гулкими ударами. Она выключила свет в спортзале, приоткрыла дверь в школьный коридор и побежала по лестнице на второй этаж.

Там в учительской есть телефон, она вызовет помощь.

Ее каблучки услышали, и парни уже не таились. Коля ринулся открывать дверь Тимуру, а Акай крикнул ей в спину:
– Никуда не денешься, жердь жженая!

Обидная кличка обожгла слезами. На счастье, учительская оказалась незапертой, во время выпускного здесь педсостав прикладывался к рюмочке и на столе сохранились остатки трапезы. Сана схватила телефонную трубку – куда звонить? У ее знакомых телефонов нет, в правление колхоза ночью звонить бесполезно, отдел милиции в райцентре, когда еще оттуда приедут, а распоясавшиеся парни уже поднимаются по лестнице.

Сана вспомнила, что на выпускном вечере в школе дежурил усатый милиционер, которого по-свойски звали Петровичем. Он засматривался на их классную Дарью Макаровну, та не прочь была пококотничать. Петрович уже уехал из села, классная спит дома, но пьяные подростки об этом не могут знать наверняка. А что, если...

– Она в учительской, – доложил Акай подоспевшему Тимуру. – Я телефонный провод оборвал, чтобы не чудила.

– В учительской будет прикольно, – ответил Тимур и толкнул дверь.

Как только ее враги вошли в учительскую, Сана вбежала в смежную комнату, в которой находился кабинет директора и плюхнулась на скрипучий кожаный диван.

– Ой! Кто это? – завизжала Сана голосом Дарьи Макаров-

ны и тут же забасила, как милиционер Петрович: – Я щас разберусь, кто тут колобродит.

Дальнейший разговор Сана изображала в трех лицах, дополняя общую картину скрипом дивана и шорохом впопыхах надеваемой одежды. Из-за двери казалось будто она застала Дарью Макаровну и Петровича за неприличным занятием на директорском диване.

– Шаманова, ты что здесь делаешь? – голосила учительница.

– Вали отсель, соплячка! – ревел милиционер.

– Я не могу, там хулиганы, – честно отвечала Сана.

– Петрович, мое платье на стуле.

– Тут еще твои...

– Давай уже! И сам прикройся!

– Ух, блин! Где мои штаны?

– Я отвернулась, – сообщила Сана. – Но выйти не могу, за мной пьяные гонятся. Схватили, порвали платье, пытались повалить.

– Кто такие?

– Темно было, не разглядела. – Сана прислушивалась, ожидая, что парни убегут, но те пребывали в ступоре. – Помогите, товарищ милиционер. Хулиганов надо задержать! Пойдемте, они там.

– погоди ты, дай застегнуться. Ну вот, готов. Щас определим их в кутузку.

После грозных слов из-за двери послышался удаляющийся-

ся топот. Несостоявшиеся насильники убежали, расталкивая друг друга. Убедившись, что Тимур и его банда далеко, Сана направилась домой.

На полпути она встретила брата-двойняшку и накинулась на него с кулаками:

– Ты же все слышал, Санат! Почему не бросился защищать?

Ее брат с малых лет предпочитал одиночество и ушел с выпускного после торжественной части. Его слух и голос превосходили возможности Саны, он мог такое, что ей было не под силу, поэтому она и возмущалась.

Санат пожал плечами:

– Подумал, может, ты этого хочешь. Все взрослые этим занимаются, а молодежь вечно об этом треплется.

– Баран! – Сана снова стукнула брата кулачками в грудь.

Тот перехватил ее руки, вытянул шею и прикрыл веки, как делали оба, чтобы уловить малейшие звуки. Через несколько минут брат посмотрел в глаза сестре и сказал:

– Тимур понял, что ты его обманула и идет сюда вместе с друзьями.

Сана тоже все слышала. Ее одноклассники еще больше напились, выяснили, что Дарью Макаровну девчонки проводили с цветами до дома, а за Петровичем два часа назад приезжала служебная машина. Парни еще выпили, разозлились и искали ее.

– Поможешь? – спросила Сана.

– Я же брат, – ответил худой долговязый Санат.

Тимур и его банда не заставили себя ждать. Присутствие хилого Саната их не остановило, тем более, что слабак отошел в сторону, не желая вмешиваться. Подростки издеваются над теми, кем сами боятся стать, а тут на выбор двое – хилак и уродина. Девчонка сегодня предпочтительнее. Сана осталась один на один с хулиганами. Первым на нее готов был наброситься Тимур.

И тут раздался неприятный высокий вой, в котором было что-то звериное. Парни поморщились, словно над ухом крутился опасный шмель, но от своих планов не отказались. Тимур обхватил Сану и повалил на землю, его дружки раздвинули ей ноги. Вой стал выше и противнее, звук вонзался в голову подобно тонкому сверлу. Первым свалился Акай, за ним Коля, но рука Тимура уже залезла ей под платье.

Неужели на него не действует? Это кошмар!

Неожиданно вой стал низким и почти неслышным, воздух будто загустел и тяжелыми волнами давил на мозг. Лицо Тимура скорчилось от боли, он схватился за голову и обмяк. Вой прекратился. Сана отпихнула насильника и встала, растирая слезы.

Вернулся Санат.

– Не мог сразу? – упрекнула сестра. – Он меня облапал, это противно.

Оба знали, что Санат способен специфическим воем ввести в транс и усыпить кого угодно, тем более пьяных.

– Экспериментировал, – ответил Санат и спросил, глядя на беспомощного насильника: – Что будешь с ним делать?

– Мстить. Прижгу ему морду горячей головешкой.

– Костер у реки, там есть подходящее полено, – равнодушно посоветовал брат. – Правда, нести далеко, ты обожжешь руку.

Сана растопырила пальцы, изучила остатки маникюра, который она впервые сделала к выпускному, и пнула Тимура в пах. Тот даже не скорчился, настолько был не в себе.

– Да пошел он! Для мужиков шрам не наказание, им не обязательно быть красавчиками. А мне ожогов хватит.

Она снова пнула врага, и на этом ее злость угасла.

Сана шла домой, понимая, обидчики очухаются, вспомнят об унижении, захотят отомстить, и житья ей не будет. Вечно рассчитывать на помощь брата – не выход. Вот поступить бы в мединститут в Барнауле на врача по кожным заболеваниям и ожогам, глядишь, и себе бы помогла и навсегда бы покинула село.

2

В медицинский институт Сана Шаманова не поступила, завалила химию, но уезжать из Барнаула категорически не хотела. Цеплялась за любую возможность остаться в городе и ей удалось устроиться уборщицей в театре музыкальной комедии. Сюда мало кто рвался. Это не кабинеты служащих, где с утра прибрался – и свободен, и не магазин, где можно поживиться дефицитом. Основная работа в театре вечером, когда сотни зрителей тащат грязь с улицы, а нормальные тет-ки спешат в семью. Зато решился квартирный вопрос, Сане разрешили жить в подсобке в подвале театра. Комнатушка была маленькой, холодной и без окон, единственное, что согревало девушку – красочный плакат на стене с видом морского вокзала в Сочи.

В театре ее называли Соней, а злые языки – Шваброй. Шепотом, как принято у интеллигентных людей, но она-то слышала. Пусть злословят, со шваброй она действительно не расставалась, а все потому, что инструмент удобный. Работаешь лицом вниз, распущенные волосы прикрывают шрам на лице, халатик она себе укоротила в соответствии с повальной модой на мини, и, если взглянуть со стороны, то первым делом видны молодые ножки и то округлое место пониже спины, из которого они растут – привлекательная картинка.

Поначалу и так бывало: подкатит игривый артистик,

шлепнет лапой по задку, она вскинет голову, вспыхнет взглядом, покажет себя во всей красе – тот и отринет, как от прокаженной. Мужчины быстро ее перестали замечать, а женщины, наоборот, проявляли навязчивую жалость. Дамы особенно милы с теми, в ком не видят соперниц.

Труд уборщицы напрямую зависит от погоды: если на улице дождь или мокрый снег, готовься гнуть спину сверх нормы. А весной даже солнышко не радуется: снег тает, лужи не обойти, и грязная жижа на подошвах плоской змеей вползает в помещение, ни одна тряпка при входе не спасает.

Дожди с мокрым снегом в начале апреля семьдесят пятого года прибавили Сане хлопот. Ладно бы только зрители по вечерам досаждали, а тут еще в спешке готовится спектакль к юбилею победы в Великой отечественной войне. Рабочие шастают круглый день, строгают, пилят, готовят декорации, мусора от них целые мешки. Артистов сгоняют на репетиции, от них на сцене разве что пыль от старых костюмов, зато в гримерках могут так накуролесить.

Главные партии в новом спектакле исполняют супруги Жанна и Артур Смирницкие. По паспорту они Аня и Ваня Смирновы, но считают себя богемой, достойной более звучных имен. Сана не в курсе, как ведет себя богема в столицах, но барнаульские Смирновы выпивают и скандалят, как заурядные пьяницы, разве, что кулаки редко в ход пускают. Зато обижаются друг на друга в голос, по-театральному.

Вот вчера они выпили после представления, разругались

на улице и уселись надутые на разные лавки в ожидании извинений. Сначала сопели молча, потом стали перекрикиваться, доказывая свою правоту, и даже дуэль ариями из оперетт устроили. Занятная получилась сцена, только морозец под ночь ударил по-зимнему, в итоге оба замерзли и осипли.

Сейчас притихли, обмотали шеи мохеровыми шарфами и пьют чай с малиной в гримерке, а что толку – раньше надо было думать!

Сана слышала, как к ним направился директор театра Игорь Михайлович Лисовский. Ему уже доложили о проблеме. Завтра премьера, ведущие солисты без голоса, оперетта «Москва-Париж» под угрозой срыва. От нервного возбуждения директор то расстегивал, то застегивал пуговицу на пиджаке – того гляди вырвет с мясом.

– Вы что натворили, изверги? – накинулся директор на солистов. – Это же не проходной спектакль, а наш вклад в празднование юбилея победы! Я перед крайкомом партии и министерством культуры персонально отчитываюсь. На премьере будут важные гости – все руководство города и даже французская журналистка приедет. Ведь главная тема спектакля – дружба советского и французского народов в годы войны, их борьба против фашизма! Вы понимаете, что это значит?

– Понимаю. Три дня – и я в форме, – заверил сиплым голосом Смирнов.

– Какие три дня? Премьера завтра! Афиши уже месяц ви-

сят по городу, приглашены самые влиятельные люди, перенос невозможен! – взвыл директор и с хрустом оторвал пуговицу на пиджаке.

Он погрозил пуговицей, как гранатой, швырнул ее в лицо артиста, в сердцах хлопнул дверью и потопал по мгновенно опустевшему коридору – все сотрудники попрятались от греха подальше. Сана тоже затаилась в своей подсобке, хотя прекрасно слышала, куда направился директор.

Лисовский поднялся на верхний этаж в комнату звукооператора, возвышавшуюся над последним рядом зрительного зала. Там пульт с рычажками и много диковинной аппаратуры для манипуляций со звуком, а управляет мудреной техникой модный парень Антон Самородов.

Он нравился Сане. У него длинные волосы, аккуратные бакенбарды и дерзкий блеск в глазах. Парень он модный и одевается во все фирменное: американские джинсы с широким ремнем, водолазки, джинсовые куртки, туфли на платформе и солнцезащитные очки в красивой оправе.

Иногда у него появлялся дефицит на продажу, причем, коробками. Это могла быть тушь для ресниц, губная помада, компактная пудра, лак для ногтей или колготки – и тогда все женщины театра спешили к нему в комнату с милыми улыбками и открытыми кошельками. Для мужчин у Самородова водились импортные сигареты, жевательная резинка и журналы с раскрепощенными красотками. Но главным для Саны было другое – Антон не воротил от нее нос, как остальные,

благодарил за уборку и ободряюще называл: «наш Уголек».

Сана стремилась задержаться у звукооператора во время уборки, хотя делать там было нечего: комната маленькая, а аппаратуру Антон протирал сам. От зрительного зала звукооператорскую кабину отделяло толстое стекло, единственная дверь была обита войлоком, чтобы не проникали посторонние звуки, но для Саниных ушей стен не существовало, она быстро раскусила тайные делишки Антона. Пользуясь служебным положением, он переписывал импортные диски на компакт-кассеты.

Появление директора театра застало звукооператора врасплох. Самородов вскочил, выключил звук и встал так, чтобы загородить новые пластинки, доставленные накануне из Москвы. Осторожность оказалось излишней, Лисовского терзали проблемы иного порядка. Директор остановился у полки с магнитофонными пленками, стремясь прочесть надписи на корешках.

– Самородов, ты генеральный прогон «Москва-Париж» записал полностью? – строго спросил Лисовский.

– Как полагается. – Антон судорожно кивнул, еще не понимая, куда клонит директор.

– Ну, хоть кто-то еще работает. Поступим так, завтра на премьере заменишь голоса Смирницких своей записью, – скомандовал директор.

– В каком смысле? – опешил звукооператор.

– В прямом! Они будут рот открывать под твою фонограм-

му.

– Но живой голос – это одно, а запись – совсем другое.

– Да знаю я! – выкрикнул Лисовский и покрутил вспотевшей шеей, стиснутой галстуком. – Но у нас нет выбора, эта парочка охрипла по дурости, кретины! Ты сделаешь так, чтобы никто не догадался.

– Но...

– Никаких отговорок! У тебя лучшая аппаратура в крае. Или мне другого звукооператора подыскать?

Антон сглотнул слюну, что было похоже на кивок согласия. Лисовский похлопал его по плечу. Жест был дружеским, но взгляд и голос источали лед:

– Если подведешь, Самородов, вылетишь из театра к чертовой матери, а твои новомодные диски я сам переколочу!

Директор толкнул пластинки и вышел. Антон, как сдувшийся шарик, опустился в кресло. У него действительно отличная аппаратура, но генеральную репетицию злосчастной оперетты он не записывал. Ему как раз привезли из Москвы новейшие заграничные диски групп «АВВА» и «Queen». Надо было срочно растиражировать их на компакт-кассеты, чтобы успеть сбыть самую выгодную первую партию. Не до оперетки было.

Что же делать?

Через полчаса мучительных раздумий и перебора всех мыслимых вариантов звукооператор вспомнил об изуродованной девчонке-уборщице. В их театре порой выступали

эстрадные артисты, и Антон позволял бедняжке смотреть концерты из его комнаты. Этой зимой приезжал Эдуард Хиль.

Сана каким-то образом узнала, что за один концерт певец получает столько же, сколько она за месяц, и возмутилась:

– Вымыть театр сложнее, чем спеть десять песенок.

– Все так говорят, а ты попробуй, – усмехнулся Антон, приглушая уровень записи на аплодисментах. Компакт-кассеты с концертами эстрадных звезд тоже были ходовым товаром.

Хиль как раз закончил шуточную «Песенку без слов», зал аплодировал.

– Спеть эту ерунду? – с вызовом спросила девушка со шваброй.

– Просим! – Антон, не скрывая сарказма, изобразил аплодисменты.

Сана зыркнула на него одним глазом, дефектным боком она не поворачивалась, расправила плечи и выдала один в один «ла-ла-ла-о-о-о» тем же неповторимым обаятельным хилевским тембром. Впрочем, о неповторимости речь уже не шла. Антон с удивлением глазел на девчонку в халате уборщицы, а та непринужденно копировала мужской голос и смотрела прямо в зал, радуясь тому, что звукорежиссерский пульт находится в левой половине комнаты, и Антон видит только хорошую часть ее лица.

В те дни Самородов записывал на кассеты диск группы

«Pink Floyd» «The Dark Side of the Moon». На пластинке была потрясающая песня без слов «Great Gig In The Sky» – сильная мелодия и чарующий женский вокализ. Антон был уверен, так может петь только сверхталантливая негритянка, с детских лет обучавшаяся вокалу. Никто из советских эстрадных звезд не сможет исполнить песню на таком уровне, что уж говорить про никчемную уборщицу.

Он решил осадить самоуверенную девчонку:

– Хиль у нас второй день выступает, ты прослушала и подготовилась.

– Вот еще! – возмутилась Сана.

– Тогда повтори этот вокализ. – Самородов приготовил диск группы «Pink Floyd».

Как он и предполагал, юная выскочка понятия не имела, о чем речь, слово «вокализ» для нее было в новинку.

Он снисходительно пояснил:

– В вокализе используют только гласные звуки, типа «а», «о», «у». На первый взгляд – просто, но на самом деле такая техника исполнения намного сложнее, чем при пении текста.

Зазвучала музыка. Сана прослушала песню и обрадовалась:

– Наоборот, проще. Не нужно заморачиваться с неизвестными иностранными словами. Звуки в чистом виде мне нравятся больше, они не придуманные, а естественные. Вот, послушай.

И она повторила. Честное слово, повторила! Без запинок,

с такой же чарующей силой! Как она умудрилась запомнить мелодию после единственного прослушивания?

– Кайф! – вырвалось у Антона любимое словечко, означавшее одобрение или хорошее настроение.

Впрочем, подобная реакция у него была и на африканскую маску – любопытная бесполезная диковинка. С голосом девчонке повезло, а вот с мордашкой беда, ее не выпустят на сцену даже в сельском клубе. В тот день он одарил Сану американской жвачкой и выпроводил, чтобы не мешала работать. Каждая записанная кассета – это деньги, которых уже завтра, в случае провала премьеры, он может лишиться.

– Голосистый Уголек, – задумчиво произнес Антон, придя к выводу, что она его единственный шанс на спасение.

Самородов выскочил из комнаты в поисках уборщицы. Сана слышала его приближение и успела расправить волосы, чтобы хоть как-то прикрыть безобразный шрам.

Просьба звукооператора ее озадачила. Она должна исполнить женскую и мужскую партию в новой оперетте да так, чтобы никто не догадался о подмене. Первая мысль – это невозможно! Одно дело спеть для приятеля короткую песенку, когда он понимает, что это имитация, и совсем другое – обмануть сотни зрителей и артистов в длинной постановке.

– Выручи, Уголек, помоги, – просил Антон, протягивая ей партитуру оперетты. – Ты «Pink Floyd» вытянула, а у Смирницких голоса заурядные. Вот текст, я отмечу красным и си-

ним женскую и мужскую партию. Ты слышала генеральный прогон?

Конечно же она слышала, ей не спрятаться от звуков. Она без труда восстановит в памяти музыкальную постановку, игру оркестра вплоть до звучания каждого инструмента и голоса всех исполнителей. Но вдруг, подмену раскроют, и она подведет Антона? Он хороший парень и девушки у него, вроде бы, нет, она слышала его телефонные разговоры – все о пластах, кассетах, записях и модных шмотках. Сейчас между ними почти дружеские отношения, но все изменится в случае провала. Он возненавидит ее.

– Ты называешь меня Угольком из-за этого? – прямо спросила Сана, откинув прядь волос со шрама.

Антон не отшатнулся. Он запустил растопыренные пальцы в ее распущенные волосы и обхватил ее лицо обеими ладонями.

– Глупенькая, у тебя волосы антрацитового цвета, а глаза, как сияющие угольки.

Сана вырвалась из мужских рук и отвернулась, чтобы он не видел выступивших слезинок. Ну как такому откажешь.

3

Вечером в театре было особенно многолюдно. На премьеру оперетты «Москва-Париж» пожаловали лучшие люди города. Важные чиновники раскланивались с руководителями ведущих предприятий, их заносчивые жены придирчиво оценивали платья и украшения друг друга. Военные и милицейские чины громко шутили за столиками буфета. После третьего звонка сливки общества заняли первые ряды партера. Лучшие места в амфитеатре были выделены ударникам социалистического труда. А французскую журналистку, худосочную даму почтенных лет, усадили в центральной ложе вместе первым секретарем крайкома товарищем Лобановым.

Расселись все, только директор театра Лисовский не находил себе места. Перед спектаклем он то и дело покидал гостей и спешил за кулисы в надежде, что у Смирницких прорежутся голоса. Но чуда не случилось. Когда зазвучала музыка, Лисовский, оказавшийся на сцене, вцепился в складки раздвинувшегося занавеса и застыл в темном углу. Его глаза, устремленные вверх, с надеждой всматривались в окошко звукооператорской кабины.

Там бледный Самородов отсчитывал последние минуты своей работы на хлебном месте. Прощай, бесценная аппаратура, прощай, дополнительный заработок. Видя такое скоп-

ление народа, в том числе музыкантов и критиков с идеальным слухом, он уже не верил, что можно обмануть всех. Одно дело понимать, что девчонка хорошо пародирует исполнителей, и совсем другое – вообще не догадываться о подмене.

Глаза Антона косили вправо на технический балкончик, примыкавший к верхнему углу сцены. Там между двумя треногами была натянута черную вуаль, за которой пряталась Сана. Она хотела видеть действие, чтобы контролировать жесты солистов, отказалась от микрофона, и он лишился возможности вытянуть ее голос с помощью аппаратуры.

Ой, что сейчас будет! Подменить солистов уборщицей – безумная идея. Сана даже не репетировала.

Музыкальное вступление закончилось, начинается действие. На сцену почти вылетает исполнитель второстепенной роли и звонко поет короткую вводную партию. Его неподдельный голос, как глоток воздуха перед смертью, а сейчас...

И вот на сцене появляется Жанна Смирницкая. Певица скованна, потому что понимает, что к чему. Мелодия приближается к стартовой ноте ее партии, но понурая солистка смотрит в пол, вместо того, чтобы расправить плечи и набрать воздух в легкие.

Она сдается – это провал! У Самородова сердце ухает в пятки, а Лисовский осел бы на пол, если бы не держался за занавес.

Звучит заглавная нота, солистка неподвижна – и вдруг

сверху на зрителей опускается чарующий женский голос. Смирницкая мгновенно открывает рот, она оживает, ходит по сцене, начинает играть. Лисовский вытирает занавесом холодный пот со лба.

Антон понимает, Сана поет в сферический потолок, мелодия отражается от купола, осыпается сверху и каждая нота как будто превращается в мыльный пузырь и парит над залом – зрителям невдомек, откуда звучит голос. Прекрасная акустика театрального зала играет им на руку. Пока все хорошо, с женским голосом Сана справляется, но как пойдет с мужским?

На сцену выходит главная звезда театра – Артур Смирницкий. Артист бодр и уверен в себе, наверняка, принял коньяка для храбрости. Его уверенность базируется на том, что он поет под собственную фонограмму, но только двое в театре знают, что это не так. Начальная партия у Смирницкого тихая лирическая, ее надо петь чисто и проникновенно.

О, чудо! Сана точно копирует мужской голос.

Лисовский успокаивается. Звукооператор не подвел, настроил дорогушую аппаратуру, голоса звучат как живые! Но Антон по-прежнему нервничает: как Уголек исполнит дуэт двух разных голосов? Это почти нереально. Солисты будут перекидываться фразами, как теннисным шариком, ей нужно будет мгновенно перестраиваться с женского сопрано на мужской баритон.

Начинается дуэт. И на второй фразе она ошибается – сры-

вает ноту в начале мужской партии. Антон хватается за голову, но замечает, что Смирницкий в этот момент остутился на сцене – чертовка Сана воспроизвела его естественную реакцию, зрители ответили понимающими улыбками.

Что она творит! Вытягивает сложнейший дуэт, гениальная девчонка! Никто в театре не догадывается о подмене, даже Смирницкие уверены, что звучат их собственные голоса только в записи.

В антракте Антон поспешил к техническому балкончику, чтобы поддержать Сану. Но там он не застал девушку, уборщицу по внутренней связи срочно вызвали за кулисы. Антон спустился вниз. За сценой царила суэта, свойственная премьерному показу. Смирницкий разбил бутылочку коньяка, которым подлечивался, и Сана вынуждена была оперативно устранять последствия. На согнутую спину девушки никто не обращал внимания.

Зато Смирницкий выпячивал грудь перед директором и сипел:

– Большого артиста надо оценивать по вершинам творчества. Слышали, как я дал на генеральном?

– Если кто нальет Артуру, уволю обоих! – громко предупредил всех директор и уже персонально Смирницкому втолковывал: – До окончания спектакля с гостями не общаться. Я потом объясню ваши голоса профессиональной усталостью.

– Они выложились на премьере, положили здоровье к но-

гам Мельпомены, – подсказывал подвыпивший солист.

– Заткнись, Артур, побереги связки, – осек его Лисовский и хлопнул ладонью по спине уборщицы: – Как тебя, Соня? Во время второго действия вылижешь пол в буфете. Чтобы все блестело, после спектакля там будут важные гости.

Сана переглянулась с Антоном, ее взгляд вопрошал: сам объяснишь? Но звукооператору уже указывал директор:

– А ты чего здесь трешься? Марш на рабочее место, готовься! Прошла только половина действия.

И Самородов спасовал.

– Забей на уборку, – шептал он девушке, когда она шла к выходу с ведром и шваброй. – Ты должна быть на балконе. Ария Смирницкой начинается с первых тактов.

Вторая половина спектакля далась Сане легче. Она поверила в свои возможности и пела, как дышала, свободно, непринужденно. Почувствовав уверенность, она даже позволила небольшое озорство. В одной из заключительных сцен оперетты Сана заменила строку текста проникновенным вокализмом, как на альбоме «Pink Floyd». Смирницкая на сцене повела бровью от удивления, и Сана быстро вернулась к основной партии.

Спектакль закончился, артисты выходили на поклон, самые жаркие аплодисменты доставались главным исполнителям – чете Смирницких. Директор Лисовский сдержанно улыбался, хотя в душе ликовал. Дамоклов меч чудовищного провала обернулся громким успехом и теперь он может смело

принимать поздравления от руководителей края и даже спорить с французской журналисткой, если та разглядела какие-то недостатки. Лисовского тоже вытащили на поклон, директор помнил слагаемые успеха и нашел момент, чтобы со сцены благосклонно кивнуть звукооператору.

Самородов возликовал – пронесло! Он побежал к Сане, искренне обнял девушку и утащил ее к себе в звукооператорскую комнату.

– Скинь свой убогий халат, у нас праздник, – радовался он.

– Не могу, – Сана сжимала полы старого халата из грубой ткани.

– Тебе нечего надеть, – догадался Антон. – С меня джинсы – фирменные, американские. Ты заслужила, ты спасла меня, Уголек.

Сана была рада видеть, насколько он благодарен ей. Она нужна ему, Антон ее оценил!

– Я могу сходить, переодеться, – предложила она. – У меня есть платье с выпускного.

– Да погоди ты.

Антон обхватил девушку за талию, привлек к себе и поцеловал в левый висок – Сана упорно держалась к нему неповрежденной половинкой. На минуту они замерли в неловком молчании, девушка не отстранялась, он не напирал. Оба чувствовали, что от халата пахнет хлоркой.

– А знаешь, что, переоденься, – согласился Антон. – А я

сбегаю в буфет и принесу чего-нибудь выпить. Отметим!

– Если я пойду по театру в платье и в туфлях... – Сана горько усмехнулась.

– Встречаемся у тебя, – нашел быстрое решение Антон.

4

После премьерного спектакля в театре организовали фуршет для избранных. Директор мясокомбината Курашвили обеспечил буфет дефицитными деликатесами, ликероводочный завод по договоренности с Горпромторгом выделил напитки из фонда для праздничных мероприятий.

Самородов выпил с артистами, ожидая момента, когда можно будет утаить бутылку за полой джинсовой куртки и незаметно выйти. Быстро это сделать не получалось. Его облобызал подвыпивший Лисовский и похвалил вполголоса, чтобы о секрете успеха не догадались гости. Зато уборщицу за грязный пол директор громогласно пообещал лишить премии.

Напористая Жанна Смирницкая коснулась Антона грудью, вопрошая:

– Что это было? Там, под конец, – певица попыталась сильным голосом воспроизвести пару нот дерзкого вокализа Саны.

– Пленка растянулась и запись смазалась, – объяснил звукооператор.

– Талантливые люди даже пленку портят талантливо. Ты, наверное, рычажками двигал – туда-сюда, туда-сюда. – Солистка кокетливо улыбнулась.

– Случайность, – выдавил Антон и поспешил ретировать-

ся от назойливой певицы в мужскую компанию.

Важные люди города уже забыли об оперетте и обсуждали более серьезные проблемы. Курашвили жаловался, что все кругом воруют. Он вчера уволил водителя за слив бензина и вынужден искать нового. Выпив рюмку, директор мясокомбината ехидно спрашивал начальника милиции, не остановят ли его на дороге, когда он поедет домой за рулем? Все смеялись удачной шутке.

Антон под шумок тиснул за пазуху бутылку лимонной настойки и сунул в карман бутерброды с колбасой. Он спустился в подсобку, которую занимала уборщица. В узкой комнатухе с низким потолком с трудом умещались панцирная кровать, единственный табурет и настенная вешалка. Здесь не было даже зеркала – непременно атрибута женской комнаты. Сана не желала видеть свое отражение и терпеть не могла убираться в зеркальном холле театра.

На девушке было легкое светлое платье без рукавов и старомодные туфли, она выглядела смущенной.

– Один рукав оторвался, пришлось второй удалить, – призналась она.

– А где же мы будем? – спросил Антон, демонстрируя угощения.

– Я кушаю так. – Сана села на краешек кровати и придвинула табурет в качестве столика. Из коробки под кроватью она достала два стакана и тарелку.

Антон сел рядом, кровать прогнулась, и их плечи неволь-

но соприкоснулись. Чтобы развеять неловкость Антон стал рассказывать о том, что происходит в буфете. Упомянул он и Курашвили.

– Я слышала, – прервала его Сана и в точности продемонстрировала голос с грузинским акцентом.

Антон уже не удивляли способности Саны копировать голоса, но, чтобы слышать сквозь стены – это невозможно!

– Хорош прикалываться, ты не могла слышать отсюда.

Девушка не хотела признаваться, что она не просто слушала, а вслушивалась очень внимательно, потому что боялась, что Антон не придет к ней.

– Я и сейчас слышу, как жена Курашвили зудит ему на ухо. – Сана заговорила строгим женским голосом: – Уймись, больше не пей! Ты на ногах не стоишь, как ты домой поедешь? – И тут же перешла на мужскую речь с пьяным бахвальством: – Не кипятись, Цыпа моя бархатная. Сидеть за рулем легче, чем ходить.

– Шутишь? – только и мог выдать Антон.

– Тебе повторить, о чем ты шептался с Жанной? – И она засипела: – Туда-сюда, туда-сюда.

Пораженный Самородов наполнил стаканы. Они выпили и закусили. Сана закрыла глаза, надавила пальцами на виски и прислушалась. Потом беспомощно опустила руки и улыбнулась:

– Сейчас я слышу только того, кто рядом. И мне хорошо.

– Ты – чудо! – выдохнул Антон, осторожно обнял девушку

за плечи и шепнул: – Диво дивное.

Сердце девушки учащенно забилось – неужели это происходит с ней? Ее – дефектную – обнимает славный парень, о котором она не смела и мечтать. Он поражен ее способностями, благодарит ее, шепчет ласковые слова, а его губы приближаются к ее губам.

– Нет! – Сана испуганно отвернулась.

Антон отстранился, убрал руку и спросил:

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

Она испугалась еще больше, но ничего не могла сказать. Он снова предложил ей выпить, она затрясла рукой, опасаясь, что отключится из-за спиртного, как тогда у костра. Сана догадывалась, чего хочет Антон, но понятия не имела, как себя вести в такую минуту. Антон выпил, отблеск лампочки от стакана коснулся ее лица, и Сана сообразила, что ей мешает.

– Выключи свет, – попросила она.

Он встал, щелкнул выключателем, а когда в крошечной темноте вернулся к кровати, выставив вперед руки, Сана перехватила его ладонь. С минуту их сцепленные пальцы с нарастающей силой сжимали друг друга на весу, а потом опустились. Его рука оказалась на ее колене, стиснула, поползла выше, задирая платье, и девушка непроизвольно сжала ноги, боясь и трепеща одновременно. Другая его рука погладила ее волосы, спустилась на спину, скользнула подмышку и коснулась пальцами груди, вызвав сладкий озноб.

А потом он как-то быстро раздел ее, продолжая ласкать, словно у него не две, а восемь рук, и сам оказался раздетым. Она раскрылась перед мужским напором и не противилась любым ласкам, кроме одной – Сана не позволяла целовать себя в лицо, чтобы его губы, не дай бог, не угодили на ее проклятый шрам. Она не стыдилась своего тела, прятала только лицо. Пусть грудь у нее небольшая и прощупываются ребра, зато кожа нежная, особенно там, на бедрах между ног – наслаждайся, она стерпит неминуемую боль, ведь он так сильно хочет ее. Ну почему злой рок заклеил ее на самом видном месте?

После того, как скрипучие пружины панцирной кровати преодолели пик неистовой железной песни и устало затихли, Антон пробыл у Саны недолго. Он сел, допил настойку, оделся и вышел.

Прощальными его словами были:

– Спасибо, Уголек.

Сана была уверена, что он благодарит ее за выступление. Не за постель же? Что она может, ведь близость с мужчиной для нее впервые. Следующий спектакль «Москва-Париж» через неделю, Смирницкие восстановят голоса, и ее помощь не понадобится. Все вернется на круги своя – место Антона на самом верхнем этаже театра, а ее – в подвале.

5

Следующее утро для Саны выдалось безрадостным – снова халат, ведро и швабра. Вчерашнее выступление, шальные глаза Антона, его благодарность и ласки представлялись далеким сном или плодом ее фантазии. А если это случилось по правде, то никогда уже не повторится. Кому нужна страхолюдина, которая боится собственного отражения в зеркале.

После любого праздника грязи остается больше, чем в будний день, а если гуляли артисты с дармовой выпивкой, оттирать приходилось не только пол в буфете, но и стулья, столы, а кое-где и стены.

Сана в десятый раз меняла грязную воду в ведре и полоскала вонючую тряпку. Она открыла кран, струя воды с шумом ударила в цинковое дно – чистый звук был отдушиной в ее нудной работе. Подспудно она слышала, как пробуждается театр, хлопают двери, заходят сотрудники, но не оживляла звуковой поток в конкретные образы. И так ясно, что ее ждет разнос от начальства. Лучше отключиться, чем то и дело прислушиваться к поступи директорских ботинок.

Однако первыми на мокрый пол в буфете ступили ноги в модных кроссовках. Сана скосила взгляд, увидела расклешенные джинсы и узнала вошедшего, не поднимая глаз.

– Вот ты где. А я тебя ищу, Уголек, – говорил Самородов,

быстро приближаясь к ней.

– Не топчись, дай высохнуть! – вырвалось у нее, а на душе потеплело: Антон вернулся к ней.

– Тебя лишили премии – это нечестно, – возмущался звукооператор. – Ты спасла директорскую задницу от провала, а Лисовский, гнида...

– Я спасала тебя, – призналась Сана.

– И пьяницу Смирницкого ты выручила, а теперь за ним убираешь. Это чудовищно! – Антон взял девушку под локоть. – Мы должны восстановить справедливость. Я знаю, как.

Сана по привычке выворачивала голову вправо, а Антон заглядывал ей в глаза, не смущаясь уродливого шрама. Он говорил эмоционально, но тихо, по-заговорщицки:

– Помнишь, как вчера Курашвили разговаривал с женой? Он директор мясокомбината. Эта такая должность, где без махинаций никак. Он стопудово ворует! В любой момент к нему могут прийти с проверкой, и тогда, если не даст взятку – тюрьма.

Сана пожала плечами: что ей с того?

– Это прелюдия, – продолжил Антон. – Для нас самое главное, что Курашвили ищет нового водителя и называет жену, помнишь, как?

– Цыпа моя бархатная.

– Вот-вот! Это наш шанс!

– Ты о чем, Антон? – прямо спросила Сана.

Она ждала, что он будет вспоминать вчерашний вечер, снова похвалит ее, а может, принесет подарок, ведь у него столько классных штучек для женской красоты. Но мысли Самородова вертелись вокруг директора мясокомбината.

– Представь, сегодня у Курашвили проверка из прокуратуры. Выявили хищения, прищучили так, что не отвертеться. Все – прощай свобода! Единственный вариант, дать много денег, чтобы замять это дело. И он звонит жене.

– Пусть звонит. Зачем ты мне об этом рассказываешь?

– Еще не догадалась? – Антон подмигнул. – Потому что бархатной цыпе голосом перепуганного Курашвили должна позвонить ты, Уголек.

– Я!? – окончательно растерялась Сана.

– Тише, нас могут услышать. – Антон отвел Сану за колонну и продолжил: – Это первая часть моего плана, а дальше я стану новым водителем Курашвили.

– Ты уйдешь из театра? – испугалась Сана.

Антон растолковал ей свой план – дерзкий, почти безумный, а она слушала его и радовалась: он не уходит, она нужна ему, они снова вместе.

– Ты согласна? – спросил он, нежно взяв ее за руку.

В фильмах так спрашивают девушку, когда делают предложение любви и сердца. Сана обожала ходить в кино, в зале темно, ее лица не видно. На большом экране ее притягивал и пугал крупный план, влюбленные, как зачарованные, смотрят глаза в глаза – ужас, если представить себя на месте

актрисы. А еще ей запомнилась фраза, что влюбленные не замечают недостатков. Сейчас Антон смотрел ей в лицо, как на обычную девушку, которая ему нравится.

– Когда? – спросила она.

Через полчаса они вышли на улицу, заперлись в будке телефона-автомата. Антон набрал домашний номер семьи Курашвили и передал трубку Сане, повторяя инструкцию:

– Говори быстро и требовательно, пресекай вопросы и сразу вешай трубку.

– Алло? – ответил вальяжный женский голос.

Сана узнала жену Курашвили и заговорила испуганным голосом директора мясокомбината:

– Это я, Цыпа моя бархатная. У меня проверка на комбинате, из прокуратуры пришли, глубоко копают. Да не перебивай ты меня, а внимательно слушай! Я должен срочно дать взятку – иначе тюрьма. Другого варианта нет. Короче, сделаешь так! Сейчас пошлю к тебе своего нового водителя, Гришу, отдашь ему все наши деньги. Где взять, сама знаешь. Все отдай! Срочно! Не паникуй и никому не звони, я еще заработаю. Главное – сегодня откупиться.

Сана повесила трубку.

– Ух! – выдохнул Самородов. – Полдела сделано. Я помчался к Цыпе.

– Она же тебя запомнит, – встревожилась Сана.

– Мы не где-нибудь, а в театре работаем. – Антон достал из приготовленного портфеля парик и усы соломенного цве-

та. Загримировался и спросил: – Как тебе водитель Гриша?

Еще в театре он сменил кроссовки и джинсы на безликие брюки и туфли и сейчас действительно напоминал молодого шофера.

– Ты здорово ее напугала, заставила паниковать, в таком состоянии она меня не запомнит, – заверил Антон.

Женщины пугливые, согласилась Сана. Она сама жутко переволновалась, пока Антона не было. Продолжая уборку, она абстрагировалась от плеска воды, шуршания швабры, окриков начальства. Сана прислушивалась ко всем шагам в округе в надежде распознать те единственные, которые вернут ей спокойствие. Тысячи шагов мужчин и женщин, молодых и старых, худых и толстых, куда-то спешащих и топчущихся на месте словно радиоволны пронзали ее организм.

Наконец, среди бесполезного шума она услышала, как Антон приближается к театру. Звук его шагов чуть изменился, он нес тяжелый портфель.

Сана продолжала тереть пол, не поднимая головы. Антон требовал, чтобы она вела себя, как обычно. Вот он вошел в театр, поднялся по лестнице и заперся в своей комнате. Сана слышала, как он открыл портфель, зашуршал содержимым. Затем опустился на стул и сказал для нее:

– Уголек, у нас получилось. У нас куча денег!

Сана находилась двумя этажами ниже, но услышала послание.

Вечером директор мясокомбината приехал домой, немного уставший, как всегда с пакетом мясных деликатесов.

– Тебя отпустили! – встретила его радостная жена. – Взяли деньги – и проблем не будет, да?

– Какие деньги? – нахмурил брови Курашвили.

– Все, что у нас были. Я Грише отдала, как ты велел. – Она показал пустой тайник.

– Какому Грише? – взревел обманутый директор.

Когда он разобрался в произошедшем, то готов был выкинуть жену с балкона. Испуганная женщина клялась, что слышала именно его голос, а не перезванивала, потому что он сам так велел. На ее предложение, сообщить в милицию, прозвучало такое громогласное «дура!», что ругань услышали все соседи. Побуянив, Курашвили напился с горя и бухнулся на диван. Жена суетилась над мужем, предлагая воду и таблетки, а он рычал на нее, пока не захрапел.

Сана в деталях пересказывала семейный скандал Антону. Они специально гуляли в около дома Курашвили, чтобы узнать, какие их ждут последствия.

– Пронесло! – радовался Самородов. – Я же сказал, он не заявит, потому что сам вор. Мы богаты, Уголек!

Антон радовался деньгам, а Сана млела от того, что парень обнимал ее во время прогулки, ведь они изображали влюбленных. Приходилось ли ему играть эту роль, она не задумывалась, ей притворяться не требовалось. Девушка впервые в жизни влюбилась.

6

Сана понятия не имела, какая сумма досталось Самородову, делиться с ней он не спешил.

– Сразу тратить деньги нельзя, могут заподозрить, – объяснял он. – В сберкассу понесешь, появятся вопросы, откуда у уборщицы столько бабла. Где ты будешь их хранить, в коробке под кроватью? А я пушу бабки в дело. Закуплю японские кассеты, запишу «АВВА», Маккартни, «Queen» и толкну через проводников. Деньги вернуться с прибылью, вот увидишь!

Сана не возражала, она полностью доверяла Антону. Одинокая девушка добилась большего, чем деньги – Антон стал для нее близким другом, их объединяла общая тайна. Связь они не афишировали. Самородов украдкой подмигивал ей, если пересекался в театре, и уходил к себе. Он был в восторге от ее дара слышать через стены и часто звал ее к себе, произнося заклинание:

– О, вездесущий Уголек, явись передо мной, как снег зимой!

Она прибежала в звукооператорскую, убеждалась, что это игра, и отчитывала:

– Я не могу быть вечно настроенной на твою волну, это утомляет.

Он весело кружил ее, обнимал сзади, тыкался носом в

шею и шептал:

– Ты обалденная, ты – чудо!

В такие минуты девушку покидала усталость, она таяла от нежности.

Антон, как и обещал, подарил ей фирменные джинсы. Раньше у Саны не то, что джинсов, даже брюк никогда не было, в селе это было в диковинку. Попав в город, она смотрела на девушек в джинсах, как на явление из другого мира, а теперь сама могла щеголять по улицам и чувствовать на своих ножках мужские взгляды. С ней даже пытались знакомиться, но все рушилось, как только видели ее лицо.

– Внешность – обман, – заявлял Антон и однажды затащил ее к своему парикмахеру.

Сану удивило, что парикмахером оказалась не брезгливая тетка, а вертлявый парень с цепочками на шее и запястьях. Он быстро оценил ее проблему, похвалил качество и длину волос, форму ушей и принялся за дело с загадочной фразой: «мы сфокусируем внимание на лучшем». Стрижкой дело не ограничилось, мастер подобрал для нее модные аксессуары.

И девушка преобразилась. Несимметричная прическа с открытым левым ухом и длинной челкой, прикрывающей правую половину лица, кардинально изменила ее образ. Открытое ухо украшала блестящая сережка с вычурными висюльками, которые играли при малейшем движении и притягивали взгляд. Новый облик дополняли солнцезащитные очки, облегающие лицо. Вместе с челкой очки полностью за-

крывали шрам.

Сана забыла, что раньше ненавидела зеркала и предпочитала перемещаться по улицам в темное время суток, неизменно склонив голову. Теперь она могла смело смотреть в глаза прохожим, а ее встречи с Антоном больше не ограничивались звукооператорской кабиной и ее подсобкой, он не стеснялся появляться вместе с ней в людных местах.

Однажды они попали под ливень. Пока бежали по лужам под арку, по-детски смеялись, а когда оказались в укрытии, веселость вдруг исчезла с лица Антона. Он избегал смотреть девушке в глаза и не пошутил про мокрую блузку, которая разом стала прозрачной. Сана провела рукой по влажной голове и все поняла: волосы превратились в тонкие сосульки и не прикрывали ее уродства. Сказка закончилась, принцесса превратилась в золушку.

По улице промчался легковой автомобиль, прорезав шинами следы по луже. Дама на пассажирском сиденье с усмешкой наблюдала за промокшей парочкой.

– В машине прическа не портится, – пробормотала Сана.

– Да! – с неожиданным энтузиазмом отреагировал Антон. – Вот бы мне купить «жигули». Я тут приценивался. Если еще раз потрясти кого-нибудь подобного Курашвили...

Горящие глаза Антона вновь излучали энергию, он смотрел в лицо Саны, не опускал взгляд и увлеченно рассказывал про начальника Горпромторга товарища Усольцева. Антон уже многое выяснил – узнал его телефон и домашний адрес.

Знает, как зовут его жену – Валентина Ивановна, и даже собаку – Гамма. Усольцев тот еще тип. Он десять лет на высокой должности, наверняка получает взятки и прячет денежки на черный день. Этот черный день ему и надо устроить. Сане осталось только подслушать голос Усольцева, его манеру общения с супругой и все – можно звонить ему домой, пугать жену и ехать за деньгами. Если все получится, а Антон в этом уверен, он купит машину, тогда никакой дождь и снег им не страшен.

Сана колебалась недолго. Антон ее единственный друг, он сделал ее привлекательной девушкой, он называет ее чудом, говорит нежные слова в минуты близости и, кажется, – она хочет в это верить! – он ее по-настоящему любит. И еще, она отдаст, что угодно, чтобы видеть его глаза такими же живыми, как сейчас, а не убитыми, когда дождь вернул ей уродство.

В течение нескольких дней они подслушивали Усольцева и быстро выяснили, что на работе и дома он говорит в одной и той же манере, как строгий начальник с подчиненными. Жена его во всем слушается и не смеет возражать.

В намеченный день Сана позвонила из телефона-автомата на квартиру Усольцева. Убедившись, что ответила его супруга, она стала диктовать указания привычным для Валентины Ивановны голосом:

– Валя, мне дали две минуты, слушай внимательно и не перебивай. У меня в кабинете прокурор с анонимным доно-

сом. Там вся наша левая схема, я отрицаю, но, если докопаются, моя голова полетит первой. Сегодня еще можно решить вопрос. Приготовь все деньги, которые у нас в квартире. Передашь их человеку из прокуратуры, он уже к тебе едет. – Сана услышала, как в квартире залаяла собака и рывкнула: – Привяжи Гамму и делай, что я сказал! Никому ни слова, иначе меня закроют.

Операция прошла гладко. Перепуганная Валентина Ивановна с порога лебезила перед строгим мужчиной в сером костюме. Антон приложил палец к губам, женщина послушно кивнула и взглядом указала «сотруднику прокуратуры» на сверток на трюмо. Самородов оказался прав, денег за мнимую свободу директор Горпромторга отвалил больше, чем директор мясокомбината.

Уязвленный Усольцев вечером, конечно, наорал на супругу, и даже хватался за телефонную трубку, чтобы позвонить начальнику милиции, но вовремя сдержался. Лучше потерять деньги, чем попасть под статью, предусматривающую наказание вплоть до высшей меры.

Супруга попыталась успокоить мужа, убеждая, что приходил настоящий сотрудник прокуратуры, компетентные органы быстро разберутся и вернут деньги. После этих слов Усольцева хватил удар. На «скорой помощи» его отвезли в больницу, а когда через десять дней выписали, и начальник Горпромторга вернулся в рабочий кабинет, где было все по-прежнему, то был счастлив, что легко отделался.

Самородов тем временем обратился к нужным людям и купил с рук почти новые белые «жигули». Он не обманул ожидания Саны и первое время часто звал ее на прогулку. Девушке нравилось в машине еще и потому, что она сидела справа от водителя, и Антон видел только ее красивую половину лица.

Новому автомобилю Антон радовался, как мальчишка. Чувства гордости и окрыления переполняли его, отодвигая на задний план чувство меры. Однажды вечером, после гулянки в ресторане он сел пьяным за руль, решил проскочить перекресток на красный свет и врезался в черную «волгу». Оба водителя отделались легкими ушибами, однако автомобилям требовался серьезный ремонт.

– Я думал, авто – это праздник, который всегда с тобой, а это железное корыто, пожирающее бабки! – кипел негодованием Самородов. – Прикинь, Уголек, мне теперь две тачки надо ремонтировать. Считай, на новую машину раскошиться, потому что чертовы запчасти втридорога стоят, да их еще достать надо.

– Радуйся, что цел остался, – напоминала о хорошем Сана.

Они находились в звукооператорской кабине. Антон как обычно записывал кассеты, но из-за нервных движений то и дело нажимал не те кнопки.

– У меня башка трещит от проблем: где бабки на ремонт взять? Я вляпался в «волгу» директора ликероводочного завода Фоменко. У него кругом связи, на меня милиция давит, чтобы срочно отремонтировал машину уважаемого человека.

– Ты справишься, – утешала Сана.

– О, черт! Забыл диск перевернуть, дважды одну сторону записал. Так и на кассетах ничего не заработаю. – Он шлепнул по пульту и остановил запись. Нервно взлохматил волосы: – А самое обидное: у жирного индюка Фоменко рыльце, как пить дать, в пушку. Запросто может «волгу» отремонтировать, так нет, с меня требует.

Антон прошелся по тесной комнате, развернул Сану к себе и посмотрел ей в глаза. Так он поступал, когда собирался сказать нечто важное.

– Слушай, Уголек, а не ощипать ли нам индюка Фоменко, как раньше Курашвили? Пусть поделится ворованным с народом.

– Антон, а может, хватит? – забеспокоилась Сана. – Я слышала, как к Лисовскому приходил подозрительный тип, спрашивал про артистов-пародистов. Искал тех, кто умеет имитировать мужские голоса. Не к добру это.

– Да брось! Кто ж на тебя подумает. Ты же ни гу-гу? Только мне доверилась? – Антон заграбастал девушку в объятия.

– Только тебе, – честно призналась Сана, прижимаясь щекой со шрамом к мужской груди. И посоветовала: – Лучше займи, если не хватает на ремонт.

Самородов так и поступил, занял денег у деловых партнеров. Целый месяц он разрывался между автосервисом, основной работой, записью кассет и их сбытом. Стал дерганым, замотанным, невнимательным к Сане. Он вообще потерял к ней интерес и воспринимал только, как уборщицу.

После ремонта «жигулей» их отношения не восстановились. Наоборот, они виделись все реже, потому что Антон в свободное время стал подрабатывать частным извозом, чтобы расплатиться с долгами.

Однажды на привокзальной площади недовольные таксисты прокололи ему колеса и разбили передние фары.

– Опять прикажешь мне радоваться, что цел остался? – огрызнулся Антон в ответ на утешения Саны. – В следующий раз мне обещали проломить башку.

– Зачем ты в это ввязался?

– А как мне деньги отдавать? Я занял у серьезных людей, это не шуточки.

– Придумай что-нибудь.

– Я уже придумал. Но ты же отказалась раскрутить Фоменко.

Сане хотелось вернуть прежнего Антона, веселого и беззаботного, чуткого и внимательного, а главное, вернуть единственного друга, нуждавшегося в ней. После новых уговоров она согласилась помочь.

Они действовали по прежней схеме. Сана изучила голос директора Фоменко и позвонила его жене Раисе, когда та была дома, а муж на работе. И опять «муж» в меру испуганным, но строгим голосом просил срочно собрать деньги и передать их сотруднику прокуратуры, иначе его арестуют. Все вопросы вечером, никому ни слова. Но дама и не задавала вопросов, она лишь попросила час на сбор денег, мол, сам

знаешь, ей надо сдвинуть шкаф и разобрать пол.

Загримированный Самородов в предвкушении легкой добычи поехал на встречу с Раисой Фоменко на отремонтированных «жигулях». Сана осталась ждать его в театре.

На этот раз сердце девушки колотилось сильнее обычного. Она терзала себя сомнением – что-то пошло не так в их разговоре по телефону. Жена директора ликероводочного завода не была напугана. Женщина не ойкала и не причитала, услышав дурную весть. Голоса прежних теток в аналогичной ситуации были похожи на кудахтанье перепуганных куриц, а у этой ощущалась кошачья мягкость в голосе и движениях. Словно кошка заманивала мышку, подумалось Сане.

Встревоженная дурным предчувствием, она впопыхах забралась на крышу театра, вытянула шею к небу и напрягла слух. Город источал тысячи не связанных между собой звуков и все они подобно смерчу закручивались в хаотичный вихрь и обрушивались на нее. Как всегда, в минуту высшего напряжения Сана превратила свой организм в одну живую чувствительную мембрану. Но что-то мешало ей, она произвольно стала раздеваться. Упал халат, тяжелая юбка, блузка, она осталась в нижнем белье. Все звуки стали чище и отчетливее. Из ее тела словно вышли невидимые рецепторы и сформировали вокруг ранимую оболочку. Шумы иголками проникали в нее, оставляя на теле красную сыпь.

Чтобы устранить малейшие помехи она полностью разделась. Раскинув руки навстречу всем шумам города, обнажен-

ная девушка словно парила над крышей. Как мокрый человек, вышедший из воды, ощущает дуновения холодного ветра и теплые лучи солнца, так и она принимала звуки освобожденным от одежды телом. В бесконечном потоке волн ей требовалось отфильтровать мусор лишних шумов и уловить крупницы голоса, который ее интересовал. Она знала дом, где жила семья Фоменко. Как и музыкальный театр жилой дом располагался в центре города, что облегчало задачу.

Достигнув немыслимой степени концентрации, Сана услышала голос Раисы Фоменко. Женщина звонила мужу, их разговор уже заканчивался, но стало ясно, жена узнала правду, никто от директора завода не требовал денег.

– Жди моих указаний, – закончил разговор Фоменко и через две минуты перезвонил жене. – Я сообщил Курашвили. Он уверен, действует тот же гад, который облапошил его. Курашвили уже выехал с двумя мясниками к тебе на помощь, они встретят мошенника и отправят его на фарш. Ты просто откроешь дверь, дальше действовать будут они.

Сана вцепилась зубами в руку, физическая боль ей потребовалась, чтобы обуздать всплеск душевного потрясения. Антон в опасности, ему приготовили смертельную ловушку. Как спасти его? Догнать Атона она не успеет. Кричать бесполезно, он самый обычный, почти глухой в ее понимании человек. Как предупредить любимого?

Она вспомнила премьеру оперетты, мужские разговоры в буфете и солидный голос первого секретаря крайкома то-

варища Лобанова. Главный чиновник по-свойски общался с начальником городской милиции, называя его Сан Санычем. Мелькнула мысль: просьбу такого человека Сан Саныч обязательно выполнит.

Девушка накинула верхнюю одежду, спустилась в звукооператорскую, нашла телефонный справочник для служебного пользования, который раздобыл Самородов. Здесь были прямые телефоны всех шишек города. Сана просканировала здание театра, вычислила пустой кабинет с телефоном, подхватила ведро со шваброй и ринулась туда.

Пальцы набрали телефонный номер начальника городской милиции.

– Привет, Сан Саныч! Это я. Узнал? – произнесла девушка голосом партийного чиновника.

– Добрый день, Василий Григорьевич, – откликнулся полковник милиции.

Отлично! Пробный тест пройден, можно переходить к делу.

– У меня проблема, Саныч. Дальний родственник моей супруги оболтусом растет. Молодой, ума еще не нажил. Мы машину ему сделали, белые «жигули», а он пьяный за рулем ездит. Прочитать его хочу, как следует. Прикажи своим сотрудникам задержать балбеса, и посади его к себе в кутузку.

– Не слишком строго для первого раза? – усомнился начальник милиции.

– По-другому не отучить. И сделать это надо прямо сей-

час.

– Как скажете, Василий Григорьевич. А где мы его найдем?

– Записывай адрес дома и номер «жигулей». – Сана продиктовала. – Срочно высылай наряд, пусть хватают его, как только подъедет. Чтобы он не говорил, как бы не оправдывался, удержи до моего распоряжения. У меня сейчас совещание, а потом я скажу, что с ним делать.

Белые «жигули» остановились около дома, в котором проживала семья Фоменко. Прежде, чем выйти из машины, Самородов вытянул шею, оценил свой новый облик в зеркале и остался доволен. Хорошо работать в театре, под рукой столько средств для изменения внешности – усы, парики, накладные животики. Но главное – стандартный костюм фабрики «Большевичка» и дурацкая шляпа превратили его в типичного служащего – в обычной своей жизни он ни за что такое не наденет.

Антон взглянул на часы – пора! Сколько денег скопилось в кубышке директора ликероводочного завода? Килограмм? Два? Он бы с легкостью подхватил и все пять! Какова будет физиономия чопорного индюка Фоменко, когда вечером тот узнает о пропаже. А нечего народное добро хапать!

Убедив себя в справедливости экспроприации нечестно нажитого, Самородов вышел из машины. Он не догадывался, что из окна квартиры за ним наблюдает жаждущий мести Курашвили, который уже дает указания двоим крепким

подручным, как принять наглого гостя.

Однако Антон не успел сделать и десяти шагов, как во двор въехал милицейский «уазик» с включенной мигалкой. Самородов надвинул шляпу на глаза и вернулся к своей машине, но «уазик» перегородил ему путь. Двое выскочивших милиционеров бесцеремонно скрутили молодому человеку руки и запихнули в патрульный автомобиль. «Уазик» развернулся и выехал со двора. Один из милиционеров перегнал «жигули» к отделению милиции, куда доставили задержанного.

Антон лихорадочно соображал, как оправдываться, пытался возмущаться, но его не желали слушать. Со словами: «Заткнись, пьянь», его заперли в «обезьяннике».

Так прошло более часа. Задержанный терялся в догадках, думая о самом плохом. Где он прокололся? На чем? Что будет, когда его опознают потерпевшие? Постепенно крепло убеждение – его предала уборщица Шаманова! Только Сана знала о его планах, только она могла сообщить в милицию.

Лязг железной решетки для Самородова был подобен грому – за ним пришли. Так и оказалось, его вывели в коридор и подтолкнули в спину. Но вместо того, чтобы вести на допрос, дежурный вернул ему ключи от «жигулей», указал на выход и посоветовал: «Не пей за рулем, парень. Это плохо кончается».

Антон покинул отделение милиции, ничего не понимая. На улице его ждала Сана. Девушка кинулась ему навстречу,

Антон удержал ее за плечи и вопросительно посмотрел в глаза. Сана изобразила растопыренными пальцами телефонную трубку и заговорила голосом первого секретаря крайкома Лобанова:

– Саныч, ну что, мой оболтус не буянит?

И сама себе ответила голосом начальника милиции:

– Смирный, Василий Григорьевич.

– Обделался со страху. Ладно, выпускай, это послужит ему уроком на всю жизнь.

Она объяснила Антону, что его ждала засада на квартире Фоменко, и она не придумала иного способа, как помочь ему.

В машине Антон чуть не расплакался, он порывисто поцеловал Сану в губы и признался:

– А я уже подумал, что ты меня...

Он не договорил. Она его поняла и пихнула кулачком:

– Дурак! Я же тебя люблю.

Она покраснела от вырвавшегося признания и вдруг вспомнила, что забыла нижнее белье на крыше. Смутилась еще больше, рассказала, оба рассмеялись, а когда вернулись в театр, не сговариваясь поднялись на крышу, и уже там стресс от пережитого трансформировался в бесстыдную страсть. Потревоженные птицы кружили над неистовой парочкой. Под его решающими толчками ей хотелось кричать от сладкой боли на весь город. Он почувствовал приближение разрывного финала, зажал ей рот, и только стон прока-

тился по крыше и след от ее зубов остался на его ладони.

8

Нешуточное потрясение действительно послужило хорошим уроком для Самородова, более года он не возвращался к мыслям о мошенничестве. Это время оказалось самым лучшим в жизни Саны Шамановой. Она по-прежнему работала уборщицей, но убедилась, что может петь не хуже известных артистов. Конечно, у нее не поставлено дыхание, нет опыта выступлений, а про внешность и говорить не приходится. С таким лицом торговкой на рынок не возьмут, о сцене можно и не мечтать.

И все-таки она слушала голоса гастролирующих певцов, запоминала их песни, смотрела из звукооператорской кабины, как артисты работают на сцене, и тихо подпевала им. Антон продолжал получать новые диски из Москвы и тиражировал их на аудиокассеты. Сана имела возможность через наушники прослушивать современные композиции западных певцов и рок-групп. Она с жадностью впитывала в себя новые мелодии и ритмы.

От фарцовки ширпотребом Самородова оттеснили шустрые оборотистые конкуренты. Его доходы упали, зато появилось свободное время. По выходным Антон катал Сану на машине. Такие поездки девушке нравились, зимой в салоне работал обогрев, а летом можно было опустить стекла и прокатиться с ветерком, слушая самую модную музыку.

В кафе они не ходили, Антон объяснял, что там дорого и неинтересно, но Сана чувствовала, что он ее стесняется. Ну и пусть! Она сама не хочет быть пугалом, ведь как не прячь шрам под челкой, официантка все равно заметит, шепнет коллегам, и начнется тыканье пальцем. Знаем, проходили, в первые минуты уродство притягивает любопытных, и ты чувствуешь себя, как диковинный зверек в зоопарке.

Зато Антон придумал уникальную игру. Они останавливались около многоквартирного дома, и он просил рассказать, что происходит в той или иной семье. Сана погружалась в состояние сверхчувствительности, и бетонные стены словно исчезали перед ней. Выбранная квартира оказывалась распахнутой для ее восприятия. Она слушала, пересказывала житейские разговоры, семейные скандалы и хихикала, изображая постельные сцены. Антон хвалил ее и загадочно улыбался. Особенно ему нравилось, когда девушка для обострения слуха расстегивала одежду.

Как-то раз ей досталась квартира, в которой болел шестилетний мальчик. Уставшая замотанная жена упрекала мужа, что он вечно на работе, а на ее плечах все бытовые хлопоты и больной ребенок. Муж объяснял, что сберкасса для удобства граждан работает по вечерам и по субботам, а он, как недавно назначенный заведующий, должен вникнуть в текущие процессы, чтобы не ударить в грязь лицом перед начальством. Жена опять зудела про больного Сашеньку, муж в ответ про сберкассу – тоскливая семейная сцена.

Однако через неделю Антон вновь попросил прослушать эту же квартиру. Теперь его интересовало, чем именно болеет мальчик Саша, как обращаются супруги Андрей и Ольга друг к другу. Слушать пришлось долго, Антон не торопил. У Саши оказалась хроническая астма с периодическими серьезными обострениями.

А через несколько дней Самородов привез Сану днем к одной из сберкасс. Они вошли внутрь, и Антон шепнул:

– Здесь работает тот самый Андрей Иванович Игнатов. Слышишь?

В служебном помещении заведующий отдавал указания кассиру, и Сана узнала голос отца больного мальчика.

– Как ты узнал? – спросила она.

– Васьков проследил, – не без гордости ответил Антон.

Сану задело его бахвальство. Она поняла, какой урок Антон извлек из того случая, когда чуть не попал в лапы мстительных мясников. Помимо умственных способностей, которыми он без сомнения обладал, ему требовался физически сильный помощник. Крупный малоразговорчивый Виктор Васьков хорошо подходил для этой роли. Ранее Васьков работал проводником на поездах дальнего следования и участвовал в сбыте кассет. Его поперли с работы за рукоприкладство, и Самородов устроил Васькова в театр рабочим сцены. Теперь сильный, умеющий драться Васьков был в любой момент на подхвате у Антона.

– Ты что надумал? – спросила Сана, когда они вернулись

в машину.

– Здесь денег больше чем у любого мошенника, – мечтательно ответил Антон.

Сана насторожилась, заметив разгорающиеся азартные огоньки в глазах друга, и испугалась:

– Ты не сунешься сюда!

– Сюда нет, – согласился Антон, объехал на «жигулях» здание банка и кивнул: – Нам подойдет служебный вход. А про семью заведующего мы все уже выяснили.

Сана пихнула его локтем в бок, взывая к разуму:

– Это не квартира взяточника, это сберкасса!

Антон обхватил ладонями ее лицо, сдвинул волосы, обнажив шрам, снял с девушки очки, с минуту разглядывал ее, будто любовался, и нежно поцеловал в губы. У Саны навернулись слезы.

Антон наклонился через нее, распахнул дверцу и предложил жесткий выбор:

– Ты поможешь мне или уходи навсегда.

– Антон! – взмолилась Сана.

Она искала слова, чтобы отговорить друга от неверного шага, но он настоял:

– Выбор за тобой, я не держу.

Сана отвернулась. Сквозь слезы она смотрела в открытую дверцу, один шаг – и она останется одна. Антон не шутил, он уедет и больше никогда не обнимет ее, не пригласит гулять и даже не заговорит с ней. Он вычеркнет ее из своей жизни.

Она никогда не услышит ласковое «мой Уголек» в минуты близости, потому что не будет никаких близких отношений. Она не сможет просто так зайти к нему, рассмотреть обложку нового диска, надеть наушники и обрушить на себя водопад красивых мелодий. Она разом лишится любимого друга и любимой музыки.

Самородов газанул на холостых оборотах, намекая, что время для принятия решения на исходе. Сана захлопнула дверцу и сжалась в кресле. Машина тронулась, и пока они возвращались к театру, Антон изложил ей свой новый план.

9

Каждый день Сана приходила к сберкассе. Она прогуливалась рядом, подслушивала разговоры сотрудников, изучала их служебные обязанности, вникала в телефонные звонки и обо всем докладывала Антону после вечернего спектакля в звукооператорской кабине. Тот давал ей указания, на что обратить особое внимание.

Прошло десять дней, и в первых числах марта Самородов услышал то, что хотел.

– Деньги для пенсий привезут послезавтра в первой половине дня, – рассказала Сана. – Выплаты начнут с двух часов, после обеда, чтобы все успели получить до праздника, до 8 марта.

– Кайф! – вырвалось у Антона. Он вскочил из любимого кресла, позабыв, что надо перевернуть пластинку, встал перед Саной и уточнил: – Деньги привозят в опечатанных мешках, и главный кассир их пересчитывает?

– Да. Запирается в кассе, пересчитывает и готовит для каждой сотрудницы отдельную подотчетную сумму.

– И никого в кассу в это время не пускает?

– Только заведующего.

– То, что надо! – Лицо Антона прорезала хитрая улыбка. – Если ты попросишь из-за двери голосом заведующего, она ведь откроет?

– Как я попаду в служебное помещение? – недоумевала Сана.

– Сначала мы выманим оттуда заведующего, а потом ты принесешь им праздничные плакаты к 8 марта для оформления витрин. Забыла? Заведующему звонили из управления, обещали доставить наглядную агитацию.

– Они запомнят меня, – ужаснулась Сана.

– Не дрейфь, я тебя загримирую. Сделаю из тебя неприятную тетку, состарю на двадцать лет.

– Уверен?

– Стопудово!

Через день они приехали к сберкассе в девять утра, к открытию. В машине их было трое, место рядом с водителем занял угрюмый Виктор Васьков. Присутствие нового человека нервировало Сану. То, что раньше походило на рискованную игру двух влюбленных, превращалось в грубый налет.

Самородов припарковал «жигули» в стороне от банка, но так, чтобы был виден служебный вход. Около одиннадцати к служебному входу подъехали инкассаторы. Дверь им открыл заведующий сберкассой Игнатов, двое мужчин внесли в банк два специальных опломбированных мешка. Вскоре они уехали.

– Твоя партия, Уголек, – скомандовал Самородов.

Сана вышла из машины и направилась к ближайшему телефону-автомату. Она позвонила в кабинет заведующего сберкассой и истеричным голосом его жены сообщила:

– Андрей, у Саши приступ, ему очень плохо. Приехала скорая, нас везут в больницу. Врач сказал, если не достать какое-то особое лекарство... – Сана изобразила рыдание, хлопнула носом и продолжила скороговоркой. – Приезжай срочно в больницу. Достань это ценное лекарство! Или тебе наплевать на нашего сына, и ты будешь торчать на работе пока он умирает? Сделай хоть что-нибудь, Андрей!

Сана повесила трубку, прислушалась к происходящему в банке и вернулась в машину. На молчаливый вопрос Антона: как прошло? – ответила:

– Сейчас он выйдет. Предупредил только главного кассира.

Они вместе наблюдали, как заведующий отделением в попытках покинул сберкассу.

– Кайф! Первое действие «на ура». Твой второй выход, Уголек, – подбодрил Сану Антон.

Девушка взяла свернутые в трубочку плакаты к Международному женскому дню, проверила, как сидит на ней парик, сохранился ли толстый слой грима на лице, не съехал ли накладной живот.

– Все в порядке, – заверил ее Антон и подмигнул: – Они запомнят сорокалетнюю мымру.

Сана обошла здание и вошла в сберкассу через главный вход. Служащие банка были отгорожены от посетителей перегородкой из крашеного стекла с полукруглыми окошками.

Бесцеремонным голосом курящей женщины, Сана обратилась в окошко с самой длинной очередью:

– Я из отдела наглядной агитации, принесла плакаты к празднику.

– Сейчас позову заведующего, – пообещала операционистка.

Но Сана ее остановила, добавив нотки недовольства начальника над подчиненным:

– У вас клиенты, обслуживайте! Я сама пройду. Игнатов должен расписаться.

– Пожалуйста. – Перед Саной открыли дверцу в перегородке.

Она прошла в служебное помещение, прикрывая лицо рулоном плакатов. Ежедневное прослушивание сберкассы позволило ей без труда ориентироваться в незнакомом пространстве. Слева по коридору за запертой дверью она слышала шуршание купюр, пересчитываемых старшим кассиром. Справа пустой кабинет заведующего. Больше здесь никого не было. Сана миновала короткий коридор, свернула к двери служебного выхода и отодвинула засов. Васьков, ждавший за дверью, тут же юркнул в банк. Вдвоем они прошли к главной кассе.

Если бы кассирша обладала сотой частью слуха Саны Шамановой, дешевый трюк с подменой голоса не удался бы. Ведь глухому слышно, опасалась Сана, что идут двое – большой мужчина и хрупкая женщина – шаги ни того ни дру-

ного не похожи на поступь заведующего Игнатова. Но старшая кассирша была обычной женщиной, занятой нудной работой.

Сана постучала в запертую дверь и сказала голосом заведующего:

– Валентина, открой. Я вернулся на минутку. Забыл передать тебе новый план по лотерейным билетам. Мы в прошлом месяце план перевыполнили, так начальство нам нормы повысило, представляешь? Надо девочек предупредить, чтобы вместе с пенсией всем предлагали билеты.

– Сейчас, Андрей Иванович. – Кассирша подошла к двери и стала отпирать замок. – Я вас предупреждала, сколько не сделай, все равно начальство...

Договорить она не успела. Как только дверь распахнулась, кулак Васькова в кожаной перчатке опрокинул женщину на пол. Грохот ее падения Сана услышала бы через три улицы, но опять ничего не произошло, сотрудники за стенкой продолжали спокойно работать.

Васьков прошел в кассу. На столе были разложены ровные пачки купюр. Он смахивал их огромной ручищей в спортивную сумку. Сана в тревоге застыла над поверженной женщиной – сердце бьется, дыхание есть, жива.

Васьков очистил стол, взвалил на плечо тяжелую сумку и дернул Сану:

– Сваливаем.

Перед выходом он заглянул в кабинет заведующего, что-

бы оборвать телефонный провод. Они вышли через задний ход. Сана по-прежнему сжимала плакаты. Антон предупредил ее, чтобы она ничего не оставляла и ни к чему не прирагивалась. Девушка села в машину и, давясь слезами, стала соскребать с лица противный грим. Мужчины поздравляли друг друга с большой добычей.

Денег действительно оказалось много, но в первый день Самородов не позволил взять никому ни рубля. Даже настойчивое предложение Васькова – отметить успех в ресторане – он категорически отверг.

Антон кратчайшим путем привез всех к театру и объяснил:

– Сегодня у каждого из нас обычный рабочий день. Деньги я спрячу, пока не выясним, как идет расследование. Надо узнать, не зафиксированы ли в банке номера купюр.

Следить за ходом расследования предстояло Сане. Городское управление милиции и прокуратура располагались в соседних зданиях. Ей достаточно было находиться на противоположной стороне улицы, чтобы слышать то, что происходит в закрытых кабинетах, но лучше без верхней одежды.

Подобное прослушивание требовало максимальной концентрации всего организма в течение нескольких часов. Просто гулять она не могла, упала бы без сил или замерзла, поэтому наблюдение велось из машины Самородова. Антон останавливал «жигули» в разных местах, переезжал на параллельные улицы, чтобы не примелькаться, приносил еду и

напитки. Но даже такое комфортное наблюдение изматывало девушку. К счастью, оно продлилось недолго.

Уже на третий день прокуратура рапортовала о раскрытии дерзкого ограбления. Виновным объявили заведующего сберкассой Игнатова. Кассирша, пришедшая в себя после сотрясения мозга, дала показания, что хорошо слышала голос начальника и открыла ему дверь, а дальше ничего не помнит, потому что он ее ударил. Заведующий клялся, что его там не было. Он уехал в больницу, чтобы помочь сыну, которого увезли на «скорой». Но Игнатова быстро изобличили. В тот день никакого приступа у мальчика не было, он находился дома. Игнатова действительно видели в больнице, но пришли к выводу, что он приехал туда после ограбления, чтобы сфабриковать себе алиби.

Знакомые Андрея Игнатова подтвердили, что он мечтал на все лето отправить жену и ребенка в хороший санаторий к морю. Для этого ему и понадобились деньги. И главное, пачку похищенных пятидесятирублевых нашли при обыске в его рабочем кабинете. Остальные деньги, как полагал следователь, Игнатов спрятал в неизвестном месте пока ехал в больницу.

Сана была расстроена. Она взывала к совести Антона:

– Раньше мы обманывали воров, а сейчас чуть не покалечили кассиршу, отправили за решетку честного человека. Это подло!

– Мой план сработал! – радовался Самородов. – Я специ-

ально приказал Васькову, чтобы не жадничал, спрятал в кабинете заведующего пачку самых крупных купюр. Теперь мы знаем, что только номера пятидесятирублевки есть у следствия. Отлично! Мы их припрячем до поры до времени, а пока будем пользоваться более мелкими.

– Антон, из-за нас посадили невинного!

– Что ты заладила? Не из-за нас, а из-за дурака следователя. Я не виноват, что он не умеет работать, придурков полно, что в театре, что в милиции. Давай отвечать за себя. Я и ты сделали свою работу классно! И получили заслуженное вознаграждение.

– У него остался больной ребенок, – сокрушалась Сана.

– Потому что врачи тоже не умеют работать! – отрезал Антон. – Все! Забыли, проехали, живем дальше!

– Тогда отдай мою долю. Я передам на лечение мальчика.

– Вот как! Спасибо, что предупредила. Ты ничего не получишь. Не хватало нам провалиться из-за твоего слюнтяйства! – взвился Самородов.

Сане захотелось хлопнуть дверью, но Антон ее удержал, не желая скандала. Он успокоился и пообещал:

– То, что тебе потребуется, я куплю сам. – И посоветовал: – Уголек, всем не поможешь, думай о себе.

«О себе», – резануло слух девушки. Сана всегда думала о них вдвоем, как о едином целом.

Наступило лето. Часть труппы театра поехала с гастролями по ударным комсомольским стройкам, остальных директор отправил в отпуск. В здании театра начался косметический ремонт.

– Закрой быстрее дверь! Меня от запаха краски воротит, – пожаловался Антон, когда Сана заглянула комнату звукооператора.

– Тебе есть куда уйти, а я в театре круглосуточно. – Сана зажала нос, показывая, как ей плохо, и предложила: – Пойдем к реке, проветримся.

– Да я бы с удовольствием, но надо кассеты писать. Навар с них небольшой, но, если не суетиться, мое место займут другие.

– Я могу ночью поработать. Здесь воздух чище, чем у меня в подвале.

– Правда? А ты справишься? – оживился Самородов.

– Сто раз видела, как ты это делаешь.

– Тогда на воздух!

Они вышли к реке. Смотреть на полноводную Обь и подставлять грудь свежему ветру было вдвойне приятно.

– К родным в деревню хочу съездить, – поведала Сана о своих планах. – Нужны деньги на дорогу и подарки.

– Деньги – не проблема, Уголек, но зачем тебе тащиться

в глухомань? Там скука смертная и тучи комаров.

– У меня отпуск, да и жизнь в подвале осточертела. А от краски... – Сана жестами показала, как у нее кружится голова.

– А знаешь, что? – Антон остановился и выдержал интригующую паузу. – Давай рванем в Новосибирск. Это крупный город, там денег немеряно.

– Деньги? – насторожилась Сана. – Ты опять про свое?

– У нас же получилось. Три месяца прошло – нас никто не тронул. Мы крутые!

Сана знала, что милиция пыталась найти подозрительную женщину, явившуюся в сберкассу с плакатами в момент ограбления. Розыск тетки с неприятным лицом не принес результата. На этот раз ей повезло, но так не может продолжаться вечно. У нее особая примета, которую трудно скрыть, и если ограбления продолжатся, то рано или поздно для нее это закончится плохо.

– Ты не волнуйся, никаких сберкасс или магазинов, – стал убеждать Антон. – Мы займемся взяточниками и подпольными дельцами, снимем с них лишний жирок. Мошенники сами отдадут нам ворованное.

Сана по привычке держалась справа от Антона, но если раньше она позволяла себе прямой взгляд глаза в глаза, то сейчас контролировала свои движения, чтобы не повернуться к любимому парню невыгодной стороной. После их ссоры Антон ни разу не спускался к ней подсобку и даже ми-

моходом не обнимал ее. Сегодня она побывала в парикмахерской, надела обтягивающую блузку и мини-юбку, однако Антон предпочитал говорить с ней только о деньгах.

– Новосибирск, – задумчиво произнесла Сана. – А где мы будем жить?

– Снимем квартиру. Тебе пора посмотреть страну.

– И Васьков с нами? – уточнила Сана.

– Сначала только ты и я. Осмотримся на месте, найдем подходящую цель, а как дойдет до дела – вызовем грубую силу на подмогу.

«Только ты и я» – эти слова понравились Сане. Они будут вдвоем круглосуточно – он и она. Будут ездить по городу, подслушивать чужие разговоры, обсуждать, советовать, вместе ужинать, а на ночь возвращаться в квартиру, как семейная пара. Это шанс наладить близкие отношения. Лучшей возможности не придумаешь.

Сана стояла спиной к Антону, облокотившись на чугунную ограду набережной, и смотрела на широкую реку и открывающиеся за ней бескрайние просторы. Она песчинка по сравнению с бесконечным потоком воды, растянувшимся на тысячи километров, но даже великая река Обь лишь малая часть огромного мира. Может, он прав, пора посмотреть страну.

Антон обнял ее сзади за плечи, уткнулся носом в волосы и поцеловал в шею, как бывало раньше.

– Ты согласна? – спросил он на ухо, выбрав то самое –

открытое ушко, с длинной блестящей сережкой.

Сана поежилась от приятной щекотки, улыбнулась и выдохнула:

– Да! – Что еще она могла ответить в этот момент.

– Тогда я побегу, надо уладить старые дела перед отъездом.

Антон игриво шлепнул ее по попе и ушел. На лице Саны в предвкушении почти семейной жизни блуждала мечтательная улыбка. Любимый человек ушел, но ее чуткий слух цеплялся за него, не желая расставаться.

Она слышала, что Антон направился на центральную гостиницу города с популярным рестораном. Сана знала, что он сбывает там аудиокассеты, но если раньше Антон поручал относить товар Васькову, то в последнее время сам зачастил в отель, причем без кассет, как сегодня. Зачем? Не задумал ли он какую-нибудь глупость с ограблением гостиницы?

Обеспокоенная девушка пошла за ним, вся превращаясь в слух. Она слышала, как Антон поднялся по каменным ступеням, толкнул стеклянную дверь гостиницы и оказался в главном холле. Отсюда можно было попасть в ресторан, где звучала музыка, но Антон направился в другую сторону, к лифтам. Пока гудел электрический двигатель, поднимающий лифт с любимым парнем, Сана ускорила шаг, чтобы подойти ближе к зданию.

Антон вышел на последнем этаже, прошел по ковровой дорожке и постучал в дверь. Заинтригованная Сана стара-

лась уловить каждый скрип. Послышались легкие шаги, и дверь гостиничного номера открылась.

– Лара – ты чудо! Это настоящий сюрприз, – воскликнул Антон.

– Лучший люкс для нас, Тоша, – отозвалась девушка, и Сана различила звук поцелуя и шорох объятий.

В сердце кольнуло – она словно увидела молодую цепкую девушку, настроенную на обольщение. Одно имя Тоша чего стоит. И этот Тоша, ее Антон, готов к игре с обольстительной Ларой. Он называет развратную девку чудом, а она-то думала, что эта особенная похвала предназначена только ей. Парочка встречается не первый раз и ведет себя раскованно, как любовники. Да они и есть – любовники!

– Ты шампанское принес? – спросила Лара, плюхаясь на кровать.

– Закажем из ресторана.

– Ты что! Я с трудом организовала для нас лучший номер-люкс, он все равно пустует, но светиться нам нельзя.

– Ты главный администратор и можешь позволить себе все.

– Цветы и шампанское – обязанность мужчины, – упрекнула девушка.

– У меня есть кое-что получше шампанского, – заверил Антон.

Он достал из наплечной сумки коробочку для ювелирных украшений, повертел ее в руке с затаенной улыбкой. Лара

вспыхнула и скромно потупила взор. С тихим щелчком коробочка открылась, и Сана уловила вздох разочарования девушки:

– Кулон?

– Не простой, со знаком Зодиака. Гороскопы сейчас жутко модны. Ты же Дева? Вот, для тебя. Я из Москвы заказал, у нас таких не достанешь.

– Спасибо, конечно, – вынужденно смирилась девушка.

– А я, между прочим, Лев!

Антон зарычал и вцепился в подружку. Сана услышала звуки частых поцелуев и догадалась – он целует ей колени, его руки ползут ей под юбку, Лара тормошит пальцами его вьющиеся волосы, ей приятно, но как все девушки она хочет слышать слова, подтверждающие мужские чувства.

– Тоша, ты со мной, потому что мой папа директор гостиницы? – спросила Лара. – Твои кассеты продают дежурные на этажах.

Любовница ждала признания в любви, но Антон ответил шутливо:

– Тогда бы я спал с твоей мамой.

– Не издевайся!

– А что? Ольга Максимовна – дама в соку, и грудь у нее больше.

– Да ну тебя!

Лара столкнула его руки, заползла на кровать и свернулась калачиком, отвернувшись от мужчины. Антон ничуть

не расстроился, он скинул верхнюю одежду, лег рядом с Ларой, расстегнул молнию на ее обтягивающей юбке и попытался стащить одежду. Лара не позволяла это сделать.

– Тебя видели с Обугленной. Говорят, ты с ней спал, – ворчала она.

– Кто говорит?

– Так спал или нет?

«О, боже, они говорят про меня, – догадалась Сана. – Она для них Обугленная! Ну возрази, Антон, осади эту стерву!»

– Разок из жалости, по пьяни. Я же не идиот, чтобы в уродину влюбиться, – ответил он. – Другое дело – ты, Лара.

У Саны защемило сердце. Обугленная уродина – вот кто она для Антона. Он с ней лишь потому, что она помогает ему добывать деньги. Он обманывает ее каждый раз, когда изображает любовь.

Зато Лара оказалась довольна ответом.

– Не надо больше никого жалеть, Тоша, – промурлыкала сучка. – Меня пожалей, меня люби.

Лара расслабилась и позволила снять с себя юбку, а потом и все остальное. На широкой кровати резвились два обнаженных тела, и Сана заткнула уши, чтобы этого не слышать. Но она все равно слышала любовную возню, их ласки и стоны вонзались в ее сверхчувствительную душу кольями ревности.

Ей захотелось ворваться в номер и расцарапать любовников, пусть им станет больно, как ей. Но разве физическая

боль сравнится с душевной. Она считает, что Антон предал ее, но он лишь рассмеется, если она так скажет. Он никогда не говорил ей о любви, и ничего не обещал, кроме доли от украденных денег. Да и то ей приходилось их выпрашивать, а на Лару он денег не жалеет.

Сана мучилась, но не уходила от гостиницы. Она дотерпела до конца встречу любовников, ей хотелось увидеть, как выглядит Лара.

Антон вышел из гостиницы первым и направился пешком в театр. Лара покинула гостиницу позже, прибравшись в номере и сунув купюру дежурной по этажу. У выхода ее ждало такси. Обычная вертихвостка в модных шмотках – оценила соперницу Сана. Но с гладким лицом и ценным папашей.

Такси отъехало, Сана пошла вслед за машиной. Ей не требовалось бежать, чтобы не упустить такси из виду, она шла на слух. Весь путь автомобиля с поворотами и остановками она могла изобразить на карте города. Когда и где пассажирка покинула такси, Сана тоже прекрасно слышала. Она пришла на это место и увидела жилой дом. Определить квартиру, в которой скрылась девушка, ей не составило труда.

Лара болтала с мамой, той самой Ольгой Максимовной Грушиной, которую в шутку упоминал Антон. Дочь хвасталась подаренным кулоном и мечтала:

– Мне кажется, Антоша задумался о кольцах. Чего он тянет?

– Сам не додумается, наш папа намекнет, что семейные

связи выгоднее деловых, – успокаивала мать.

Сана просидела около дома Грушиных до позднего вечера и слушала все семейные разговоры, даже те, которые ведутся шепотом по телефону в тайне от супруга. Так она узнала, что у молодящейся дамочки Ольги Максимовны есть пылкий любовник, грузин по имени Зураб. Ольга намекала о встрече, и Зураб обещал навестить даму сердца, как только выкроит время. Любовницу он называл – моя княжна, а она его – тигром.

Голоса и манеру общения Сана запоминала автоматически.

Полночи Сана записывала музыку, как обещала Антону, хотя ей хотелось кричать и бить кассеты о стену. Спустившись к себе в каморку, пропахшую краской, она упала на кровать и забылась в слезах. Первое, что она увидела, очнувшись утром, был плакат на стене с красивым городом у теплого моря. Яркая картинка, как отдушина, рассеивала неприятные запахи и раздвигало горизонты. Сана ощутила себя замурованной в вонючем склепе, из которого надо бежать на свободу.

И она решилась! Покидая душную подсобку без окон, она уже знала, что будет делать.

В десять часов Сана позвонила Ольге Максимовне Грушиной голосом любовника Зураба, жаждущего встречи:

– Я хочу тебя, моя княжна. Приеду ровно в час, в обеденный перерыв. Ты сегодня дома одна? Вот и прекрасно! У нас будет мало времени, подготовься, не запирай дверь, включи музыку и жди меня в постели. Твой изголодавшийся тигр.

Для убедительности Сана зарычала и услышала в ответ игривый смех. Что ж, начало положено, пора переходить к следующему этапу.

Самородов с утра работал в театре, чистил головки магнитофонов и паковал записанные кассеты. В одиннадцать его позвали по громкой связи к телефону. Антон спустился в

ближайший кабинет, схватил трубку и услышал ласковый голос Лары:

– Тоша, я должна поблагодарить тебя за кулон, он такой милый, прелесть. В ответ я приготовила для тебя сладкий сюрприз. Не спрашивай, это тайна!

– Красивый торт? – предположил Антон.

– Фу, сладкое портит фигуру. Ну ладно, намекну. Приезжай ровно в час ко мне домой. Дверь будет открыта, я буду ждать тебя в спальне, проказник. Иди на музыку, снимая одежду, и накинься на беззащитную деву, ведь ты же лев!

– В час? – переспросил Антон.

– На мне из одежды будет только кулон, Тоша, – ответила Сана и звучно чмокнула трубку.

Девушка покинула пустой кабинет, откуда звонила, и специально пересеклась в коридоре с Самородовым. Она хотела видеть его реакцию на приглашение и увидела: Антон с трудом погасил распирающую его похотливую улыбку, а во время разговора прятал глаза.

– Послушай, Уголек, мне нужно отъехать. Подменишь меня с кассетами? – попросил он.

– Опять важное дело? – с сочувствием спросила Сана.

– Верчусь, как могу. Вот провернем дельце в Новосибирске и тогда...

– Раскрутишься по максимуму.

– Ну, ты юмористка! – Антон растянул губы, но получилась лишь жалкое подобие той радостной улыбки, которую

излучало его лицо за миг до встречи.

– Езжай, раз надо, – уныло согласилась Сана.

Она до последнего надеялась, что Антон не клюнет на вульгарное приглашение Лары или хотя бы честно признается, что у него есть другая. Но он поступил иначе – опять обманул. Что ж, у нее не осталось выбора, она доведет задуманное до конца.

Когда Самородов уехал, Сана уединилась и позвонила в гостиницу голосом Ольги Максимовны, попросив позвать свою дочь Лару.

– Лариса быстро приезжай домой, пока Антон не передумал, – затараторила она. – Мне шепнули в ювелирном, что Антон купил обручальное кольцо. Ну, конечно, для тебя! В час он придет посоветоваться со мной, как лучше сделать тебе предложение.

– Точно?

– Да, сам напросился! А мы не будем тянуть. Он с кольцом – и тут ты. А рядом будущая теща, готовая вас благословить.

– Ура! – обрадовалась Лара.

Около часа Сана перевернула пластинку в проигрывателе, чтобы записать вторую половину популярного диска, и поднялась на крышу театра. Когда-то она прибежала сюда ради спасения Антона, жутко волновалась, гадала, как ему помочь. Тогда она произвольно разделась и готова была воспарить над городом, чтобы уловить малейшие звуковые колебания. Сейчас легкая одежда не мешала ей, она просто

слушала, что происходит в квартире директора гостиницы.

Вот Антон подходит к квартире Грушиных, трогает дверь – не заперта. Его никто не встречает, но внутри звучит музыка, как было обещано. Заинтригованный Антон идет в спальню, по пути скидывая одежду, как просила Лара. Наверняка, он улыбается, чувствует прилив сил, его заводит любовная игра. В мыслях он – могучий лев, вышедший на охоту, где-то там, в складках постели его ждет добыча – гибкая, дрожащая дева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.